

Костёр

1

ЯНВАРЬ

1961

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза Советских писателей

В ЭТОМ НОМЕРЕ

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, СКАЗКИ

«ДОЧЬ ПОСЛА» А. Биккентаева, «РА-
МОН» К. Переса, «САША-СЛЕДОПЫТ»
Светланы Чебыкиной, «КОТЯТА-ФУТБО-
ЛИСТЫ» Бориса Дальнова, «В ЛЕСУ МЕ-
СТА МНОГО» А. Ливерозского

*

СТИХИ

«МАЛЬЧИК БЕЗ ИМЕНИ» Леды Милевой,
«ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ» Лиды Белоу-
совой, «ВАРЕЖКИ» И. Антонова

*

ОЧЕРКИ

«САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ», «СЛОВО
БОРЕТСЯ, СЛОВО ПОБЕЖДАЕТ», «ШКО-
ЛА — ДА! ПУШКИ — НЕТ!» (из речи Фи-
деля Кастро), «ГОВОРИТ ГОРОДСКОЙ
ШТАБ», «ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ
МАЯКОВСКОГО» Дм. Молдавского, «ДВА
БЕГЛЕЦА» Г. Князева, «ЛИЦЕВАЯ И
ОБОРОТНАЯ», «НА РУМБЕ» И. Квятков-
ского, «РИСУНКИ А. ПАХОМОВА» В. Ко-
нашевича

*

КОСТЕРОК

*

СПОРТ

*

НЕСКУЧАЙНИК

*

На обложке рисунок Ю. Данилова
На 2-й странице обложки фото
А. Ритова «Ленинградский
Городской штаб пионеров»
На титуле фото А. Ритова
«Мы собираем лом».



Все ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ экземпляров этого номера «Костра» отпечатаны на бумаге, сделанной из макулатуры, которую собрали пионеры Октябрьского района Ленинграда.

ДЕНЬ МИРА



ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ



Однажды Алексей Максимович Горький предложил:

«Давайте выберем наудачу месяц и число и посмотрим, что случилось этого числа в мире. Изучим внимательно газеты, попросим друзей из-за границы прислать нам письма, — интереснейшая может получиться книжка!»

Книжка, действительно, получилась очень интересная. Над ней трудилась целая армия журналистов, переводчиков, художников. Руководил работой Горький. Ему помогал другой замечательный писатель, Михаил Ефимович Кольцов.

«День Мира» рассказал читателям о самом обыкновенном, ничем не примечательном дне — двадцать седьмом сентября тысяча девятьсот тридцать пятого года.

Что произошло на Земле двадцать седьмого сентября?

Ничего особенного на первый взгляд: ни землетрясений, ни восстаний. И очень многое, если как следует приглядеться.

Сотни коротеньких сообщений, разноцветных, как стеклышки мозаики, говорили каждое о своем, а все вместе складывались в картину огромного смысла и силы.

Объедались одни и голодали другие. Японские самураи хозяйничали в Китае. Гитлер муштровал полки. А рядом, за пограничным столбом, расцветало и крепло молодое Государство Советов.

Тогда оно готовилось праздновать свое совершеннолетие. Сегодня ему пошел сорок четвертый год. И «Дню Мира» исполнилось четверть века.

Что изменилось на Земле? Чего добились народы? Чем двадцать седьмое сентября прошлого года похоже и чем не похоже на своего старшего «родственника»?

На это ответит книга «День Мира Второй», которая сейчас создается.

Снова перечитывают журналисты строки газет, вдумываются в письма с одинаковой датой, просматривают записи в блокнотах.

И как на пленке, опущенной в проявитель, изображение проступает не сразу, а постепенно, сперва самыми яркими своими частями, так и здесь одни странички появляются раньше других.

Пока это только странички. Но по ним уже можно судить, какой будет вся книга. Читайте их внимательно!

Итак,

27 СЕНТЯБРЯ
1960 ГОДА,
ВТОРНИК...

УЖЕ СКОРО!

Строители Братской ГЭС навечно соединили оба берега Ангары.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Установлена прямая радиотелеграфная связь СССР со столицей Кубы — Гаванной.

В этот день...



... Народная Болгария заявила, что поддерживает предложения Советского правительства, направленные против войны.

... А недобитые гитлеровские адмиралы опять требовали, чтобы Западной Германии дали оснастить ракетным оружием флот.



... Слесарь. Ашхабадской железной дороги К. Аведурдыев выиграл на билет денежно-вещевой лотереи автомашину «Москвич».

... А безработного канадца Альфреда Дугала арестовали за кражу автомобиля.



К. ЦИОЛКОВСКИЙ

ФАНТАЗИЯ ЛИ ЗААТМОСФЕРНЫЕ ПОЛЕТЫ?

В «Коммунистической правде» (23 июля 1935 г.) появилась моя статья с заголовком: «Фантазия ли?»

Цель этой работы указать, что мысли, высказанные в статье, — не фантазия, а строго научная истина, хотя пока и не реализованная.

Во мне на-днях обратилась группа передовых людей с выражением сожаления по поводу моей болезни и пожеланий моей «смерти» и «достоинства». Смерть еще чего-нибудь не стоит, а уж достоинство — ни в каком случае, как трагическая неясность. Ничем, кроме научной истины, а мои труды нет. Нет даже сведений, а, напротив, достаточно работы. Действительно, когда пошла плыва западных ученых и нерадивых работников высказывала творение мысли о опорах осуществления космических путешествий, то я, неосторожно, показала, что

Он построил первую в СССР аэродинамическую трубу и проводил при помощи нее ряд ценных опытов по определению влияния формы тел и скорости движения на сопротивление воздуха.

Он разработал принцип полета аэроплана на 3 лет до постройки первого Гайт.

Умно этих работ достаточно для прижизненного его славы. Но можно упомянуть еще о его работах по физике, космологии, свойствам атмосферы, по изучению полета насекомых и многих других.

...Следует упомянуть, что на Западе теорией космической ракеты начинают интересоваться значительно позднее.

Так, во Франции первая работа Жюль-Полука по этому вопросу появилась лишь в 1913 г.

В СССР Голанд лишь в 1919 г. написал

...Полет человека с новой аэроплана. Даже с телом стальной, а Цюолковский поставил

...Проект космического аппарата



В сентябре 1935 года Константину Эдуардовичу Циолковскому приходилось спорить и доказывать, что межпланетные полеты возможны.

А в сентябре 1960 года художники закончили изготовление глобуса Луны. Без фотоснимков, полученных с борта советской космической станции, такой глобус был бы немислим.

ДЕЛО ДВИЖЕТСЯ

Строители Белоярской атомной электростанции имени Курчатова заложили в плотину гидроузла последние кубометры бетона.

АЛЛЕЯ МИРА

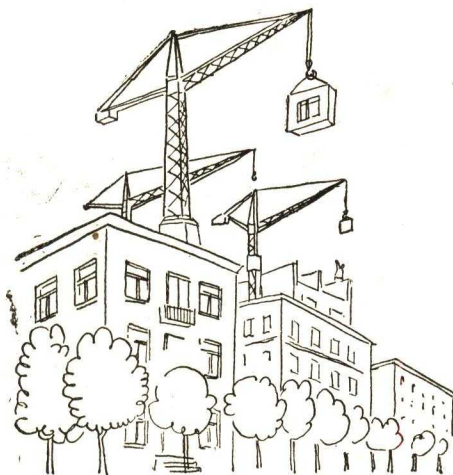
Более ста пионеров и школьников 293-й ленинградской школы сажали деревья в Парке имени 30-летия комсомола. Новую аллею ребята назвали Аллеей Мира.

ВОТ ВАМ И ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА!

Радио Якутска сообщило: в продажу поступили картофель и овощи, выращенные пригородными совхозами в открытом грунте.

ЗА ПОЛНОЙ НЕНАДОБНОСТЬЮ

В городе Луцке навсегда закрылась тюрьма. На ее месте скоро откроется... кондитерская фабрика.



В этот день...



... Жители Ангарска получили от строителей три новых многоэтажных здания.

... А жители дома по 56-й улице Нью-Йорка оказались без крова: хозяин выгнал их на улицу за невзнос повышенной квартирной платы.



Двадцать пять лет назад Фредерик Жолио-Кюри и его жена Ирэн лишь мечтали о том, как облегчит труд человека освобожденная ядерная энергия. Прошли годы. В День Мира Второй атомный ледокол „Ленин“ вел караван судов по арктическому маршруту.

НАШ МИЛЛИОНЕР

Летчик-штурман комсомолец Владимир Тимошин налетал свой миллионный километр.

ВЕТРУ И ЛИВНЮ НАВСТРЕЧУ

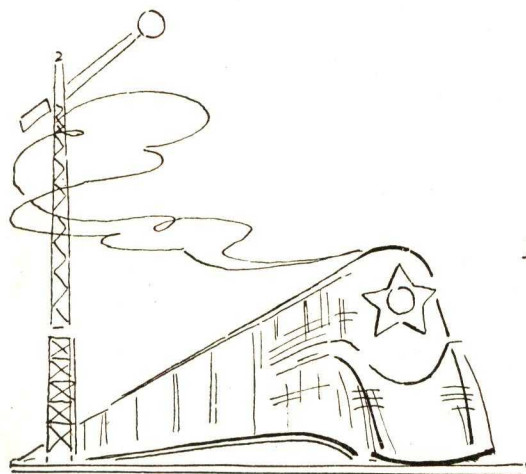
Туристы 329-й московской школы провели лесной слет. Ни ливень, ни ветер не помешали: костры разожжены, наша сварена, эстафета проведена!

ГОТОВЬТЕСЬ, НОВОСЕЛЫ!

Рано утром Герой Социалистического Труда Ф. П. Сопин закончил монтаж пятиэтажного жилого здания в Московском районе Ленинграда. Это сотый дом, смонтированный Сопиным и его учениками.

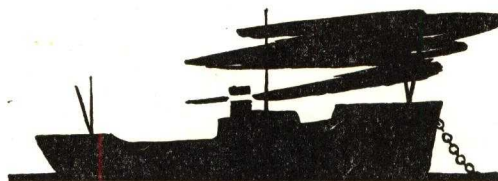
АНТАРКТИДА НА ЛАДОНИ

В Институте полупроводников Академии Наук СССР создан микрохолодильник. Он размером с ручные часы и позволяет получать температуру в шестьдесят градусов ниже нуля.

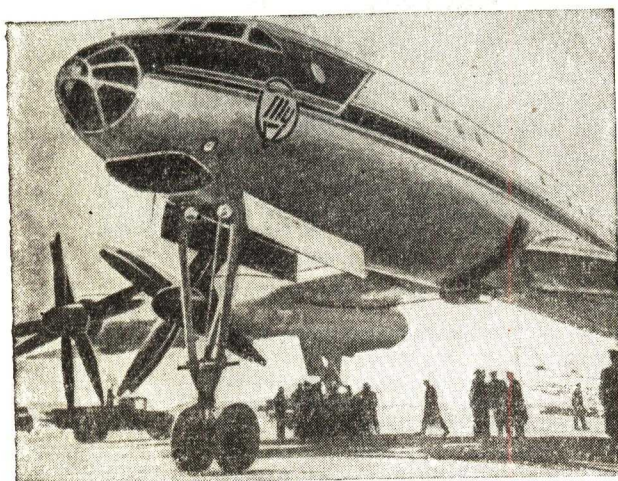
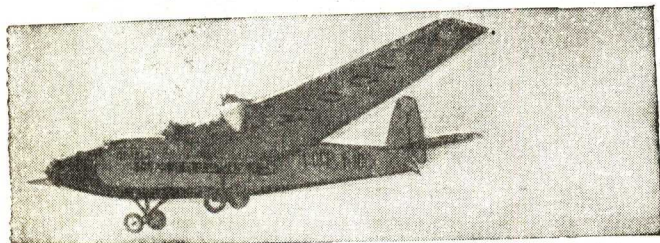


... Двадцать пять эшелонов с зерном отошло от железнодорожных станций целинного края.

В этот день...



... А в Лондонском порту из-за забастовки простаивало сто сорок одно судно.



Пятимоторным великаном называли в 1935 году тридцатисте шестиместный самолет АНТ-14.

Как же назвать тогда ТУ-114, в котором двести двадцать пассажирских мест и который сегодня за день долетает от Москвы до Нью-Йорка?

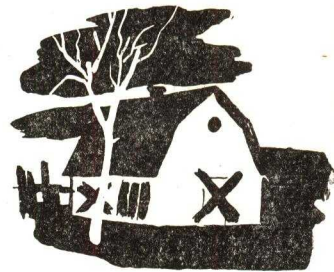
ПОЛТОРЫ ТОННЫ ЗА ДЕНЬ

Пионеры 474-й школы Ждановского района столицы собрали полторы тонны макулатуры.

РАЗВЕ НЕ РАДОСТНО?

Москвича-второклассника Мишу Демьянова друзья выбрали командиром октябрятской звездочки.

В этот день...



...Верхолазы-каменщики Криворожья на тридцатисте шестиметровой высоте выложили белым кирпичом слова: «Слава КПСС!»

...А в итальянском городе Лукка-Сикула фашисты и попы убили борца за мир, коммуниста Паоло Бонджорно.

...Первоклассница Ната Филь из Ужгорода получила на уроке свою первую пятерку.

...А двое детей американского фермера Орбела Конфмана погибли от руки собственного отца; он не надеялся их прокормить...

Союза в обычные дни и месяцы 1961 года.

Мы обращаемся ко всем ребятам, которые приветствуют рождение такой книги, и хотят стать ее создателями.

Пусть эта книга будет самой интересной и увлекательной, самой красивой детской книгой в мире. Как ее назвать? Какая она будет? Наверное, в ней будут рассказы и очерки, песни и рисунки, фотографии, стихи, настоящие, по всем правилам написанные репортажи со всех широт Советского государства.

Пусть пишут книгу все хорошие и веселые люди — ребята и профессиональные писатели, журналисты, люди любой специальности — все, кто по доброй воле захочет помочь пионерам.

Писать книгу — очень серьезное дело. Пять месяцев — с января по май — листок за листком будет собираться материал для книги об участниках пионерской двухлетки. И все пять месяцев — изо дня в день — редакция будет ждать ваших писем с пометкой на конверте: «Костер» Пионерская книга». Письма от пионеров и от целых пионерских отрядов. И может быть, в рабочих планах ваших отрядов появится новая строка: «Наша книга».

Мы ждем от вас серьезных ответов, остроумных и веселых предложений.

Есть такая пословица: «Ум хорошо, а два лучше!» Ну, а если умов — целый миллион?!

Пишите нам, друзья.

Наш адрес: Ленинград, С-15, Таврическая улица, д. 37. Редакция журнала «Костер».



На первом снимке — школьники-чукчи тридцатых годов.



На втором снимке — один из их выросших сверстников, чукотский писатель Юрий Рытхэу.

СОРОК ВОСЬМАЯ ПО СЧЕТУ

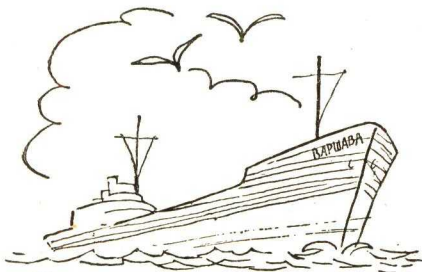
В картотеке Клуба интернациональной дружбы Ленинградского Дворца пионеров появились адреса друзей из Непала. Непал — сорок восьмая по счету страна, с которой Клуб будет вести переписку.

ЭТО УЖЕ ПРИВЫЧНО

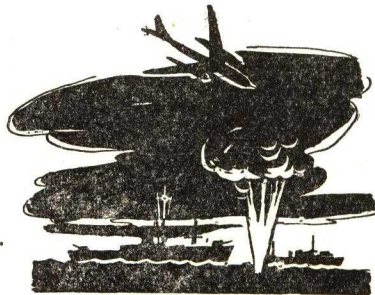
Турбовинтовой самолет „Ил-18“ совершил беспосадочный перелет Москва — Нью-Йорк.

ЦВЕТ, ЗВУК, ОБЪЕМ

На кафедре телевидения Электротехнического института имени Бонч-Бруевича состоялась опытная передача цветного объемного изображения. Впечатление поразительно!



... Советский танкер «Варишава» созерцал с грузом нефти «Рейс мира» на Кубу.

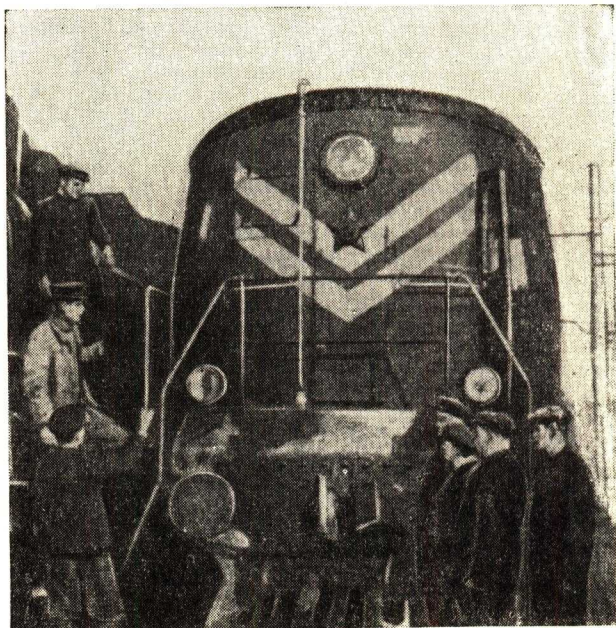
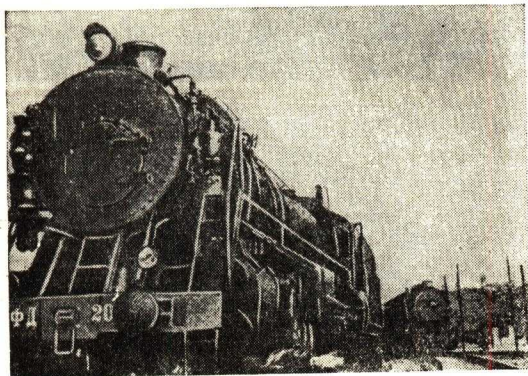


... А корабли западных держав в тех же просторах Атлантического океана проводили военные учения.

В этот день...

ЛЕТАТЬ КАК ПТИЦЫ

В центральном аэроклубе имени Чкалова открылась выставка летательных аппаратов с машущими крыльями — махолетов и мускуллетов. На выставке в основном представлены модели, но на одной машине можно уже и летать.



Двадцать пять лет назад новинкой техники был паровоз серии «ФД». 27 сентября 1960 года последний паровоз покинул Красноярское депо. Теперь на Красноярском узле работают тепловозы и электровозы.

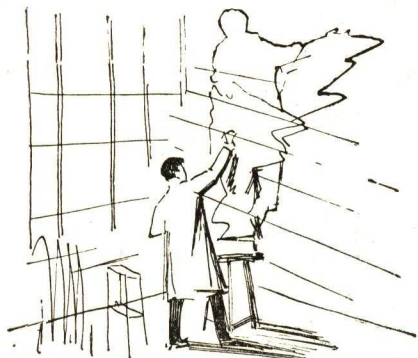
БЕЙСЯ, СЕРДЦЕ!

В клинике Военно-Медицинской академии имени С. М. Кирова академик П. А. Куприянов и его помощники провели сложнейшую операцию на сердце четырехлетнего Вовы Харитонову. Вова будет здоров!

ЧЕСТЬ ИМ И СЛАВА

Ташкентский Горисполком решил назвать одну из улиц Ташкента улицей Шамахмудовых. Муж и жена Шамахмудовы в годы войны усыновили четырнадцать детей-сирот.

В этот день...



... Группе советских скульпторов было поручено проектировать памятник Победы. ... А японский художник Дзиро Сэригута с восхода до заката искал заработка, обивал чужие пороги, и всюду ему отказали.

ПОЗДРАВЛЯЕМ, „ЮМА“!

В Париже вышел пятидесятый после освобождения страны номер коммунистической газеты „Юманите“.

КОГДА ВСЕ ВМЕСТЕ

Забастовка шоферов японского города Тэгу закончилась победой: капиталистам пришлось пойти на уступки.

И НЕ ХОЧЕТСЯ, ДА ПРИХОДИТСЯ
Нью-Йоркское издательство выпустило большим тиражом книжку с текстом выступления Никиты Сергеевича Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

На вклейке фото Б. Уткина «Мы — рабочий класс!»

Мальчик без имени

Леда Милева

В небоскребе-отеле
У парадного входа,
днем
и ночью
несметные толпы народа.
Там в зеленой тужурке
и в брюках зеленых
ходит мальчик усталый
у лифтов бессонных.
Словно желтые солнца, —
десять пуговиц круглых,
и белеют перчатки
на руках его смуглых.
Он зеленый костюм
каждый день надевает,
но в зеленых лугах
никогда не бывает.
Десять солнышек светят
на груди его впалой,
но не видит он неба,
где зори так алы.
Он не спит по ночам,
как все дети,
в постели, —
путешествует с лифтом
в громадном отеле.
Возит важных господ,
переносит багаж
с этажа на этаж,
с этажа на этаж.
Он взлетает на лифте
бесшумной ракетой,
но луны не достигнуть
ракетою этой, —

Рисунок Б. Федорова

только крыши достигнет
мальчонка-лифтер,
и спускается вниз он,
как метеор.
Этот мальчик без имени,
его имя забыли...
Как зовут его? Джим?
Или Боб?
Или Билли?
Называют по имени
мальчика дома,
но в отеле оно
никому не знакомо.
— Мальчик, быстро! —
торопят богатые гости
и заходят в кабину,
опираясь на трости.
Он в зеленой тужурке
и в брюках зеленых,
он дежурит усталый
у лифтов бессонных...
Пусть огнями сверкают
большие отели,
и стоят лимузины
у самой панели,
пусть туристы плывут
в незнакомые страны,
и взлетают на лифте
в номера
чемоданы.
Но с улыбкой живут
пусть на свете все дети,
пусть мальчишек без имени
не бывает на свете.

Перевел с болгарского
О. Шестинский



Дочь ПОСЛА

Анвер Бикчентаев

Рисунки И. Харкевича

МЕНЯ ЗОВУТ ШАУРА

— Вот вам моя рука! Давайте сразу и познакомимся, — меня зовут Шаура. Я терпеть не могу девочек, которые задаются, задирают нос, не желают ни с кем знаться, одним словом — важничают.

Такая уж у меня натура, — люблю знакомиться. Ужас как люблю! Если бы могла, то перезнакомилась бы со всеми людьми на белом свете... «Но это невозможно, — говорит мама. — Всей твоей жизни не хватит даже для того, чтобы только пожать руку каждому, кто живет в нашей стране».

Я всегда рассказываю о себе не таясь, наверное, потому, что мне, собственно говоря, нечего и скрывать... В нашем дворе пожалуй ни одна тетя ни за что не сознается, сколько ей лет. Не понимаю, зачем же скрывать свой возраст?

Мне, например, двенадцать лет. Родилась я в неудобное время, когда почти никого не бывает в городе, когда люди еще отдыхают в пионерских лагерях или в деревне, — девятого августа. Поэтому ни один день моего рождения не отмечали как следует: то меня дома нет, то нет моих друзей.

Я живу в Уфе, на Лунном проспекте, дом номер пять. Проспект наш совсем новый, его называли в честь той самой ракеты, которая пролетела близко от Луны, сфотографировала ее с обратной стороны и направилась куда-то дальше, в сторону Солнца.

Вы не думайте, что я всегда жила в таком большом городе как Уфа. Раньше мы были жителями небольшого города Ишимбая, затем, об этом все соседи знают, переехали в рабочий поселок Серафимовка. Так было, когда мой папа работал в Башкирии.

Однако, как только стало известно, что ему придется поехать в командировку в далекую страну Албанию, — папа перевез нас в Уфу, где мы жили, оказывается, и раньше, когда еще меня и на свете не было... А сейчас папы опять нет дома, его командировали, на этот раз, в Индию. Вы, наверное, сразу догадались, что он у меня нефтяник и поехал за Гималайские горы, чтобы открыть нефть.

Моя мама частенько называет моего папу «нашим кочевником». Я на это не обижаюсь. Как же иначе назовешь его, если он кочует с одной буровой на вторую, из одной страны в другую?

Сама мама работает поваром в столовой номер пять. И выходит, что у нас все на пять: номер столовой, где работает мама, номер дома, где мы живем, даже номер нашей квартиры... Только вот наши отметки не всегда вытягивают на пять...

Произнося слово «наши» я, конечно, имела ввиду своего брата Урага. Такое имя ему дали не в честь того урака*, которым жнут

* урак — серп, по-башкирски

хлеба. Как объяснила мне мама, имя Ураг произошло от сочетания двух слов: Урал и Агидель — так по-башкирски называют реку Белую; мои родители взяли от этих слов по две начальные буквы, и получилось забавное имя.

Раньше, оказывается, среди взрослых была такая мода: они придумывали своим детям имя, которого нет ни у кого другого. Есть у нас во дворе даже такой мальчик — Даль-вос, что значит Дальний Восток.

Ребята с нашей улицы никак не хотели считаться с Уралом и Агиделью, продолжая дразнить моего брата «ураком», то есть серпом...

Брату моему это надоело, и он сам себя переименовал в Мусу... А это имя в нашем народе очень почитается, его носил поэт Муса Джалиль, и это имя носит дважды герой Советского Союза военный летчик Муса Гареев, наш земляк...

Если бы всем детям разрешали самим себе выбирать имена, будьте уверены, я бы тоже не растерялась — ведь так много красивых имен на свете! Но, думается, что Шаура вовсе не такое имя, за которое стоит краснеть.

Мы оба учимся в тридцать девятой школе, в пятом классе, хотя Муса старше меня на десять месяцев и одну неделю. Школу нашу

не променяю ни на какую другую, потому что мы выпускаем печатный журнал под названием «Уфимская весна». На четвертом этаже в большом классе открыли швейную мастерскую, где мы учимся шить и вышивать. К тому же собираем грузовую машину из старых частей. Многие говорят, что она у нас не будет ходить, но я этому не верю. Мальчишки тоже...

У себя во дворе, да и в школе, мы частенько болтали о том, что наш папа работает в далекой Индии и помогает индийцам открывать нефть.

При случае мы не упускали возможности и похвастаться этим. Иной раз я важно говорила:

— Стоит мне или Мусе захотеть, как мы тоже поедem в Индию...

Девочки, понятно, завидовали, им тоже хотелось иметь такого папу, чтобы можно было к нему поехать. Мальчишки, поддразнивая меня, снисходительно спрашивали:

— Кто же вас туда пустит?

— Папа затребует, и все тут! — с достоинством отвечала я, хотя мама и утверждала, что это невозможно.

Вот как будто и все о себе. Теперь я вам расскажу о том, почему мой брат оказался не моим братом.

ПОЧЕМУ МОЙ БРАТ ОКАЗАЛСЯ НЕ МОИМ БРАТОМ

Если бы к нам в тот день не заглянула недобрая старуха, быть может, тайна моего брата так и осталась бы тайной, и нам, конечно, никогда не пришлось бы и помышлять о побеге из родного дома... Однако, расскажу все по порядку.

В тот день, кажется, это было в понедельник, я сидела за круглым столом и писала сочинение на английском языке. А мой брат стоял в соседней комнате у окна. Я видела его в зеркало. Меня очень волновало, почему он так долго стоит возле окна и что он такое интересное заметил, но я боялась шевельнуться. Стоит мне подняться из-за стола, потом уже ни за что снова не сесть за уроки...

Вдруг он громко прошептал:

— Наконец-то!

Тут, возможно, кто и усидел бы, но только не я. Хочешь не хочешь, пришлось выглянуть в окно. Как это я сразу не догадалась — в наш скворечник прилетели скворцы! Проворные птицы с махонькими крыльями то кружились у своего островерхого новенького домика, то вздымались ввысь. Вот один сел на

крышу скворечника, а второй юркнул внутрь. Они суетились, как девочки перед экзаменом...

— Весна пришла! — обрадовалась я.

Моего брата ни за что невозможно заставить разговаривать, иногда он неделями молчит, словно в рот воды набрал; но иногда с ним что-то происходит, и он болтает почему-то зря.

— Кругом вон сколько снега! — буркнул он, указав на почерневшие слоеные булочки. — Какая еще тебе весна!

Разве я могла с ним согласиться?

— В тени, конечно, не скоро растает. А ты взгляни на крыши — ни одного белого пятна! Все давным-давно растаяло...

Я не уверена, чем бы закончился наш спор, может быть, и потасовкой, но в этот миг кто-то постучал в дверь. Я сразу догадалась, что стучится к нам посторонний, — свой бы нажал на кнопку звонка.

Я была права: в дверях стояла незнакомая старуха, невысокая, укутанная в большую черную шаль, какую обычно носят в самые

злые январские морозы. Неужели она зябнет в апреле, просто невероятно!

— Вам кого? — спросила я, совершенно уверенная в том, что она перепутала двери. Почему-то все чужие люди сперва стучатся к нам, хотя мы и живем во втором этаже...

— Не тут ли живет Шамсикамар-килен? — спросила она и, не дожидаясь моего ответа, шмыгнула в комнату.

Шамсикамар была моей матерью, но эту старуху мы никогда в глаза не видели, поэтому больше всего удивила нас та уверенность, с какой она вошла в нашу квартиру, точно в свой родной дом вернулась. Не спрося разрешения, сбросила платок на спинку стула, повесила пальто на вешалку и, сняв подшитые валенки, поставила их рядышком возле двери.

Незваная гостья мне сразу не понравилась. Я даже подумала, что не стоило, пожалуй, и открывать ей. Ее лицо было совсем крошечное, с блюдечко, нос маленький и красненький, точно раздавленная земляника,



а изо рта, когда она шамкала, торчал единственный желтый и кривой зуб с черной макушкой.

Надо было что-то сказать ей. Мама, встречая односельчан, обычно говорила:

— Какой добрый ветер забросил вас в наши края? — или просто спрашивала: — Как живем-поживаем?..

Мне тоже хотелось быть такой же вежливой и гостеприимной хозяйкой, как и мама. Поэтому я мягко спросила:

— Скажите, пожалуйста, какой ветер задул вас к нам?

Старуха протерла слезящиеся глаза краешком белого платка, пересела со стула на диван и только после этого обратила внимание на меня.

— Ты, доченька, спрашиваешь кто я такая? Я, моя милая, из того же аула, что и твоя мама. Значит, из Султанмурата... Приехала я сюда к сыну, он у меня по торговой части служит, да вспомнила про вас. До поезда у меня есть время, дай-ка, думаю, взгляну к Шамсикамар-килен! Разве ее нет дома?

— Она на работе, — сказала я. — Вот-вот должна вернуться.

Моя мама всегда радовалась односельчанам, не знала, куда их посадить, чем угостить... и разговорам не было конца! Я тоже решила занять гостью беседой, стала расспрашивать о том, о сем, о житье-бытье... Но я никого в ауле не знаю, поэтому беседа у нас совсем не клеилась.

Мама, когда уставала от разговоров, начинала угощать чаем. Мне тоже оставалось одно — вскипятить чайник. Обращаясь к Мусе, который все еще молча следил за гостями, я сказала:

— За булкой сбегаешь или чайник поставишь?

Сами понимаете, не могла же я все это сделать одна! Муса, конечно, согласился сходить за булкой. Тем более, что до булочной рукой подать: стоит перейти улицу и войти в угловую дверь... Самое большее — три минуты.

Через четверть часа мы втроем уселись за стол. Брату и себе я поставила стаканы, а старуха потребовала чашку. Наверное, не привыкла пить чай из стакана... И пила-то она по-своему, по-деревенски: блюдечко держала в левой руке, а правой макала в чай кусок сахара.

Мама запаздывала. Может быть, у нее собрание... Мы все еще сидели за столом.

К счастью, выручила сама гостья. Вспомнив, что поезд уходит ровно в пять, а до вокзала надо шагать и шагать, она заспешила. Одеваясь, притворно укоряла себя:



— За чаем забываю все на свете... И надо же было так засидеться!

Оставалось ей сказать нам спасибо, распрощаться, взяться за ручку двери... Но, к сожалению, вместо этого, она, как-то странно взглянув на моего брата, сказала:

— Сиротушка ты мой, Ураг, сиротушка! Не могу без слез глядеть на тебя.

Муса, вытаращив глаза, уставился на нее.

— Почему вы считаете меня сиротой? — с улыбкой спросил он.

Старуха смахнула крупные слезы, неожиданно брызнувшие из ее маленьких глаз:

— Сиротой называют, мой мальчик, всякого, кто воспитывается у чужих людей. Если хочешь знать, твой настоящий отец погиб на войне, не пережила этого горя и твоя мать...

— Неправда! — гневно воскликнул Муса. — У меня есть и папа и мама!

Я сделала предостерегающий жест, чтобы Муса еще не вздумал сказать: «Говоришь глупости!» — как он частенько отвечал мне.

Старуха никак не унималась.

— Атнагул и Шамсикамар чужие для тебя люди, — продолжала она. — Они усыновили тебя, могли приютить и другие...

Щелкнув языком, я сердито заявила:

— Быть может, я тоже не настоящая?

— Нет, ты ихняя, настоящая, — спокойно ответила старуха. — Но вот Ураг — не ихний... Что ни говори, сиротская жизнь есть сиротская жизнь... Только одно утешение, что ты попал к хорошим людям...

Как только за ней захлопнулась дверь, Муса, насупившись, молча начал одеваться.

— Куда вдруг собрался? — забеспокоилась я.

— Не твое дело!

Нет, не в моем характере отступать.

— Все-таки, куда же ты собираешься? — ревниво спросила я.

— Ухожу... Совсем...

Этого я не ожидала, сразу даже не нашлась что и сказать. Но его-то я хорошо знаю, он — человек слова. Я струхнула не на шутку. Куда же он? Зачем так внезапно? Нет, нет, и еще раз нет! Я его не отпущу...

— А вдруг старуха соврала?

— Она сказала правду, — ответил он, собирая свои вещи, которые очень любил: ручку-самописку, серую кепку, растрепанную книжку «Тигр снегов».

— Неужели не хочешь дождаться мамы?

— Нет.

— Почему?

— Как же я теперь подниму глаза на человека, который мне так долго лгал?

Тут что-то случилось со мной. Сердце будто перестало биться...

Сами понимаете, не много времени требуется, чтобы собрать в один узелок мальчишечье добро. Я как-то безучастно следила за каждым его движением.

Но как только он схватился за ручку двери, я решила, что мешкать нельзя. Шаура я или не Шаура?

— Постой, — сказала я твердо. — Я тоже с тобой.

— Глупости говоришь! — сухо усмехнулся он.

— Ты меня знаешь?

— Знаю... — ответил брат, покосившись на меня.

Конечно, он отлично знал мой характер, поэтому не на шутку разволновался.

Я тоже стала собирать свои вещи; коли уж решено уходить навсегда, то не оставлять же зимнее пальто, и демисезонное нужно забрать. В узелок сложила все свои платья. Не забыла и чулки и носовые платки. В дорожку пригодятся ножницы и иголка с ниткой. Взяла две вилки и нож. В газету насыпала соли... Туфли летние, туфли весенние...

— А где же мои валенки?

Увидев целую грудку всяких узелков, маленьких и больших, Муса не выдержал. Как заорет:

— Хватит! Развяжи все свои узелки и узелочки! Никуда не пойдешь!

— Отчего же? — совершенно спокойно спросила я.

— Куда я денусь с тобой, дурья голова? Не хватало только тебя с этим барахлом...

— Ах, вон что! — проговорила я. — Ты за меня беспокоишься? А ты не беспокойся, я как-нибудь за себя постою!

Храбрилась-то я только для виду. Разве я сумею оставить маму одну, бросить родной дом? Говорить легко, можно и погорячиться, но лишь коснется дела, я ни за что не смогу совершить побег. Это мне ясно как день...

Собрав все узелки, нагрузив на себя сколько можно, я взглянула на брата. Мне вдруг показалось, что он растерялся, испугался настоящего. Увидев меня, собравшуюся в дорогу, он как будто немного остыл.

С силой бросив свою полевую сумку, подарок папы, на пол, он с удрученным видом опустился на стул.

— Ты чего сходишь с ума? — спросил он с горечью в голосе. — Тебе-то чего не хватает в этом доме?

Я искренне созналась:

— Тебя не хватает...

В другое время Муса, услышав от меня что-нибудь такое, только бы криво усмехнулся, но на этот раз он расширенными от удивления глазами уставился на меня.

Воспользовавшись паузой, я успела сказать:

— Стоит ли, Муса, торопиться... Это же не раз плюнул и пошел! Убежать никогда не поздно! А любое путешествие планируется. Об этом написано во всех книгах. Без плана никто не убегал. Даже Том Сойер.

Это я сказала на всякий случай, для того, чтобы успокоить брата. А что касается Тома Сойера, уже не припомню, как он убежал: с планом или без плана...

Я говорила и говорила, боясь, что он не станет меня слушать, — мне хотелось выиграть время. «Хоть бы скорее мама вернулась!» — думала я.

Но к моему великому удивлению, он не вступил в перебранку, даже не стал защищаться и как-то быстро согласился со мной. Мне показалось, что и он не смог так легко бросить дом, хотя и пытался скрыть это от меня.

— Ладно, — вяло проговорил он. — Пусть будет по-твоему... Но предупреждаю: маме ни слова. Попадет как миленькой!

Я понимающе кивнула головой. Но ни одному ему заручаться моим словом, я тоже потребовала клятву.

— Поклянись, что не убежишь без меня!

Он отмахнулся с досадой, но все же обещание дал.

— Честное слово.

— Пионерское?

— Пионерское.

МАМА УЗНАЛА НАШУ ТАЙНУ

Неделя, прошедшая с тех пор, неузнаваемо изменила Мусу. Ушел из дому тихий, молчаливый, мечтательный мальчик и вместо него стал жить с нами нелюдимый, раздражительный и какой-то неотесанный Муса... Будто его подменили. Он избегает оставаться с мамой наедине. Все свободное от уроков время проводит или во дворе, среди ребят, или в школе, усиленно занимается боксом.

Мне верится и не верится, что «баба Яга» сказала правду. «Она могла ошибиться, — говорю я себе, — или выдумать этокое со злым умыслом, могла позавидовать нашей дружной семье, такое, наверное, тоже случается. На свете всякие люди живут, добрые и злые...»

Вечером, когда Муса по обыкновению ушел в спортивную школу, а мама после обеда прилегла на диван, чтобы немного отдохнуть, я подошла к ней.

Тут же, не раздумывая, рассказала о старухе.

— Хоть узнала, как ее зовут? — вдруг разволновавшись, спросила мама.

— Сама она не назвала свое имя, я тоже не догадалась об этом спросить...

— В нашем ауле честь-не перечесть старух, — сказала мама. — Хорошо ли ее приняли? Чаем-то хоть напоили?

С одной стороны, мне не хочется нарушать слова, данного Мусе, а с другой стороны — невозможно обмануть маму. Так я оказалась между двух огней.

— Эту старуху лучше бы и не угощать, — с трудом выдавила я.

— Почему же? — насторожилась мама, она даже поднялась с дивана. — Ну, что вдруг замолчала? У тебя уже есть тайна от мамы? И ты об этом не хочешь сказать ей?

Я мрачно заявила:

— Она сказала, что Муса мне не брат, что у вас не настоящий сын...

Если бы мама вскрикнула: «Старуха лжет!» — как я была бы рада. Но лицо у мамы стало белым-бело, как бумага. Мне почудилось, что она даже дышать перестала... Вот она тяжело опустилась на диван. Слезы так и катятся, так и катятся.

— Мамочка, прости! — проговорила я, бросившись на колени. — Я не хотела тебя огорчать, но я не могла больше молчать! Честное слово, не могла!

Прижав меня к себе, она шептала:

— Я так боялась этого... Мы хотели сказать вам об этом, когда вы вырастаете... Почему нам мешают жить злые люди? Что им нужно от нас?

Так вот оно как! Теперь у меня нет никаких сомнений. Я поверила: Муса — чужой, он совсем нам чужой...

В тот день за что бы мама ни бралась, все у нее валилось из рук. Потом она, на что-то решившись, достала бумагу. Села писать письмо. Писала очень долго.

Запечатав конверт, мама попросила меня отнести письмо на почту. При этом мне пришлось уплатить на рубль дороже, — оказывается, письмо за границу стоит на рубль дороже.

ТРУДНАЯ НЕДЕЛЯ

В последующие дни я жила надеждой, что Муса все же образумится. Погорячился и раздумает! Но мой брат, как я уже говорила, слов на ветер не бросает.

Он с каждым днем делается все более невыносимым. Почти всякий день проходит в спорах. В конце концов ему удалось меня одолеть, мы назначили последний срок. Двадцать второго мая начинается первое в нашей жизни большое путешествие...

Муса показал удивительную деловитость. Он, оказываясь, успел составить большой список всего, что нам надлежит захватить. Поэтому-то, как поется в известной песне, «были сборы недолги». На каждого пришлось по одному рюкзаку и по одному узлу. Продуктов захватили ровно на неделю; а там видно будет.

С деньгами тоже более или менее обошлось. Мы ведь всю весну откладывали деньги, те, что мама давала нам на школьные завтраки. Накопилось порядочно. Обидно только одно, Муса не разрешил взять ни одной книги.

— Брось! — коротко приказал он, выкидывая из моего рюкзака самые любимые книги. Даже журнал мод не разрешил взять. «Зачем тебе еще моды?»

Какой недогадливый! Разве мне не придется заказывать себе платья? Нельзя же ходить по Сибири одетой не по моде! Я уже не маленькая, чтобы этого не понимать...

В самую последнюю минуту каждый из нас написал прощальную записку, я — за столом, Муса — на подоконнике. О чем писал брат, мне неизвестно. Сама же я написала всего три строчки — прощальные письма должны быть короткими: «Я не смогла отпустить его одного. А он сказал, что не может жить в доме, где его обманывали. Мы не пропадем. Твоя дочь Шаура».

Сложила записку пополам, вдобавок еще расписалась, подпись поставила с хвостиком, как это делает папа.

Мой папа перед любой длительной поездкой заставлял всех нас одну минуту посидеть молча. Видно, так уж принято.

С Мусой вдвоем мы тоже проделали этот обряд. Но в тот миг, когда мы опустили на минуту на стулья, прощаясь с домом, у меня так заняло сердце, что и сказать нельзя! Почему бы вдруг не прийти маме?

Муса первым перешагнул порог. Я никак не могла попасть ключом в замочную скважину, в глазах рябило. Наконец, мне удалось запереть дверь.

В это время двор обычно бывает пуст. Работавшие ушли на заводы и в конторы, а домохозяйкам на базар еще рано. Мы спокойно, никем не замеченные, вышли на улицу.

И тут-то, возле ворот, случилось то, на что я тайно надеялась. Навстречу нам попался почтальон — Ибрагим-агай. Увидев нас, он обрадовался.

— Теперь мне незачем подниматься на второй этаж, — подмигнув, проговорил он. — Вручаю письмо от папы. Держите!

Ибрагим-агай известен все наши секреты, даже как мы учимся. От него ничего не скроешь, если и захочешь.

...Этого письма я так ждала! От радости я взвизгнула. Меня не смутил даже насмешливый взгляд Мусы, пусть он видит, как я рада папиному письму.

— Ты тут меня подожди, — попросила я. — Я сразу вернусь, только занесу письмо.

Он махнул рукой, валяй, мол!

Войдя в квартиру, я бросила письмо на круглый стол, чтобы мама сразу заметила его. Там же лежали наши записки.

Однако, сразу я не решилась уйти. Очень мне хотелось знать, что в нем написано? До сих пор я никогда не вскрывала чужих писем. Ведь так нехорошо совать нос в чужие тайны.

На этот раз я решилась вскрыть конверт. Перед побегом я должна была знать, о чем пишет папа.

Я прочитала письмо один раз. Потом второй. Не снимая рюкзака, я принялась перечитывать в третий раз.

«Привет вам, мои дорогие, из далекой Индии, — писал папа. — До последнего времени мы искали нефть возле Гималайских гор, сейчас переехали в штат Ассам, живем около города Сибсагар. Если и здесь нам не посчастливится, то переедем на юг, в штат Бомбей...»

«Где же этот штат Ассам и где этот Бомбей? — думала я. — Сколько раз говорила себе, что надо хорошо изучать карту Индии, и все как-то было недосуг».

«Наше дело нелегкое, — жаловался далее папа. — Ведь нефть втихомолку лежит себе под сотней пластов, ее ни рукой не ощукаешь, ни глазом не увидишь, ни ухом не услышишь. На чужой земле, в чужой стране особенно обидно, когда нас постигает неудача. Но мы не можем отступать, просто не можем не найти нефть, нужную Индии...»

Я невольно останавливалась на тех строчках, которые непосредственно касались моего брата.



«...Не скрою, меня очень огорчило твое, Шамсикамар, письмо, в котором ты написала о Мусе. В такое время, я понимаю, в доме нужен мужчина. Мы, двое мужчин, как-нибудь нашли бы общий язык. Тем более, я сам рос сиротой. Однако, я сейчас никак не могу приехать, нас оставили в Индии еще на один год.

Ты, Шамсикамар, сама попробуй поговорить с Мусой. В открытую! Он еще ребенок,

многое еще в жизни ему непонятно. В таком возрасте хочется быть взрослым, но это не так-то легко. Он этого не понимает, а мы, взрослые, понимаем. Он может принять самые неразумные решения, останови его!»

Будто кто-то заслонил письмо, строчки расплылись..

«Если ты не уверена, что справишься с этой трудной задачей сама, то рискни — всей семьей приезжайте ко мне. Индийское прави-

тельство разрешило нам вызвать семьи. А для детей в городе Дели есть советская школа...»

Я была так благодарна папе, как хорошо он сделал, что догадался нас пригласить к себе... Теперь все ребята поймут, что не зря мы с ними спорили, утверждая, что сможем поехать в Индию.

«Однако, меня глубоко волнует, как вы перенесете индийский климат, тут все так непривычно! — продолжал папа. — Порою температура поднимается до сорока, а иногда и до сорока пяти градусов. Бывает, что нечем дышать. Как поведут себя ваши башкирские сердечки, приученные к прохладе реки Белой, к освежающим ветрам, дующим с гор и трескучим морозам зимы? Очень прошу, посоветуйтесь с друзьями и обязательно с врачами. Так мне не хватает вас!»..

Тут я расплакалась. В самое трудное для папы время мы собирались убежать из дома. Я плакала еще потому, что в письме папа даже не упомянул моего имени... Удивительные люди эти взрослые, о детях вспоминают только тогда, когда они что-нибудь натворят. Если вести себя как следует, то нуль внимания... Почему так устроена жизнь?

Муса резко распахнул входную дверь и застал меня с письмом в руках и ... в слезах.

— Вот тебе на! — проворчал он, сердито насупившись, — Ты чего тут нюни распустила? Скоро ты?

Я протянула ему письмо.

— Меня оно не интересует, — сухо произнес он, отступив на шаг. — Айда, пошли!

— Там и про тебя написано...

— Выдумки!

— Честное слово! — увидев, что Муса заколебался, я решила воспользоваться этим. — Папа приглашает нас в Индию!

Какое же мальчишеское сердце не откликнется на такое заманчивое предложение! Муса не представлял исключения. Для вида пожав плечами, он все же потянулся за письмом.

Я следила за выражением его лица, пока он читал письмо. Ни один мускул не дрогнул, вот он у нас какой!

— Это только так... — причмокнул он языком и кисло улыбнулся, — несерьезно.

— Мама согласится поехать, я уверена, — настаивала я.

В ответ Муса, выпятив свои толстые губы, гордо заявил:

— Если даже мама согласится поехать, я уверен, она заберет только тебя! Кому нужен сирота? Нет, не возьмет она меня с собой.

Какую чушь он несет! Как ему не стыдно! За такие слова я чуть пощечину ему не влепила, еле сдержалась. Подавляя великий гнев, я приблизилась к нему и, приосанившись, произнесла:

— Знаешь, никогда чтобы я не слышала подобных слов! Мы поедем только вдвоем. Без тебя я первая откажусь. Вот тебе честное пионерское...

Мое обещание, как видно, его убедило. Он с трудом, но все-таки согласился дожидаться решения мамы. Теперь от того, как она решит, зависела наша судьба.

Так мы второй раз отложили свой побег.

МАМА ЗА!

Не успела мама переступить порог, как я закричала:

— Письмо от папы!

Мама даже не сняла мокрого от дождя плаща, сразу бросилась к письму. Даже забыла спросить, почему мы вскрыли конверт. Вот что делают с мамой письма от папы!

Она нетерпеливо пробежала глазами строчку за строчкой. Прочитав до конца, она ласково улыбнулась. Молча прошла по комнате. А нам так не терпелось узнать ее решение.

Воспользовавшись тем, что мама стояла к нам спиной, я указала глазами, чтобы Муса заговорил первым. Он только покачал головой. Оставалось рискнуть самой.

Ласково обняв маму, я торопливо начала

говорить, точно боясь, что она меня перебьет или остановит.

— Мама, как нам повезло! — говорила я. — Сама понимаешь, как это здорово!

И на этот раз она забыла спросить, откуда нам известно содержание письма.

— Как же, мама, поедем или нет? — нетерпеливо допытывалась я.

— На фронт я попала шестнадцатилетней девчонкой, — сказала мама тихо. — Пришлось говорить, что мне восемнадцать, иначе подруги бы поехали, а я осталась... А я никак не могла остаться дома, когда все стремились на фронт. Стыдно было дома отлеживаться.

Мы с Мусой переглянулись. Никогда до сих пор она не рассказывала нам о своей фронтовой жизни, даже не заикалась об этом. Что с ней? Что побудило ее теперь рассказать о фронте?

— Там я попала в двести тридцать первый пехотный полк радисткой. Старый командир полка — это я до сих пор отчетливо помню — в первый же день назвал мою маленькую радиостанцию «соловьем». За два года много раз меняли мои позывные, но никто уже меня не называл соловьем, потому что старый командир полка погиб под Ржевом...

Я сделала попытку обнять маму, мне хотелось крепко-крепко прижаться к ней, но Муса удержал меня. Ему, наверное, хотелось дослушать маму.

— В одном бою мы понесли огромный урон, так частенько случается на войне, — продолжала она, — погибли командир и комиссар полка, и все люди, которые их заменили во время боя. Так тоже случается... Один батальон был разгромлен в лесу, один — втопан в землю фашистскими танками.

...Закрыв глаза, я пыталась поставить себя на место мамы: что бы со мной случилось, если бы я оказалась на фронте и увидала столько смертей? Ведь ей всего на четыре года было больше, чем мне сейчас!

— Одну неделю мы дрались в окружении. С дивизией связи не было. Старших командиров не стало. В такое время нашлись паникеры. Настал трудный час. Именно тогда один человек встал перед нами и твердо сказал: «Я буду вашим командиром!» Еще он добавил: «И расстреляю каждого паникера...» Мы дрались здорово. Настала пора думать о том, как выйти из окружения.

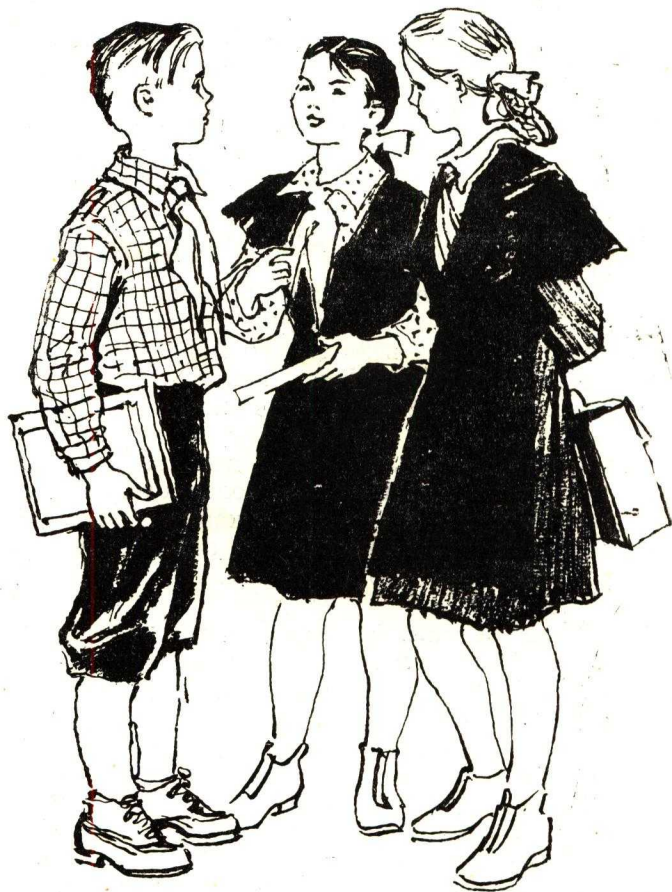
Я слушала маму, и перед моими глазами рисовалось поле боя: опушка леса... солдаты устраивают носилки... И вот те, кто еще может идти, несут тех, кто уже не может стоять на ногах. А впереди командир, вслед за ним — женщина. Это мама!

— Нас вел сильный духом человек, иначе бы наши кости остались гнить в болотах Смоленщины. Его звали Атнагулом.

Мое сердце затрепетало, я засияла от радости! Ведь мой отец тоже Атнагул, он тоже фронтовик. Не он ли?

— Мы голодали, — тем временем продолжала мама. — Вышел весь наш скудный запас. На грибах, на ягодах и заячьей капусте — есть такая трава — далеко не уедешь. Люди таяли на глазах, и уже сдавал наш командир Атнагул. Я стала отдавать ему свою долю пшена, больше у нас ничего не оставалось, а он уступал его раненым...

— Настал последний бой. Целый батальон противника внезапно атаковал нас. Люди дрались до последнего вздоха. Вот упал Атнагул.



Кругом лежали убитые. Я сказала: нет, командир не попадет в руки врага. Я потащила его на себе в ближайший овраг. А на поле уже гудели фашистские танки.

Мне стало страшно за маму. Превозмогая дрожь, глотая слезы, я примостилась возле нее, на стуле. Внезапно задрожал, а потом совсем сорвался ее голос.

Прошла целая минута, пока она сумела взять себя в руки.

— На фронте с твоим отцом я часто выдерживала сорокаградусные морозы, почему бы теперь с ним рядом мне не выдержать сорокаградусную жару? — спросила она, оглянувшись на нас. — А сами-то вы согласны ехать?

Мы, конечно, были за.

В тот же вечер, посоветовавшись с друзьями, она написала письмо в Министерство иностранных дел, прося визу. Оказывается, без этой визы за границей нельзя и шагу ступить. Когда я рассказала о ней своим подругам, то они тоже поверили в силу бумаги, которая называется «виза».

ЗЕМЛЯ ИНДИИ

В ташкентском аэропорту нас встретила забавная скульптурная фигура индеец — в красной рубашке, в кривоносых чулках и с большой чалмой на голове. Он, улыбаясь, всем протягивал руку, в которую была вложена записка со словами: «Едемте со мной в Индию!»

Нам очень понравился этот гостеприимный индеец.

...И вот уже под нами проплывают Гималаи, в круглое окно видны их снежные вершины, никак не верится, что они самые, самые высокие в мире. Горы как горы! Нашему самолету все нипочем, подумаешь, Гималаи!

Я, например, как ни в чем не бывало, болтаю о чем попало. В этот день во всем «ТУ-104», наверное, не было более словоохотливого пассажира, чем я. Что касается Мусы, то он ни на минуту не отходил от окна. Он так уставился в стекло, точно приклеился, даже не шелохнется.

Меня все интересует, мне все надо знать. Почему наш самолет считается сто четвертым «ТУ»? Почему мы забрались на такую головокружительную высоту — ведь мы летим в одиннадцать километрах от уровня моря! Отчего это ни на пароходе, ни в поезде бесплатно не раздают конфеты, а вот на самолете угощают конфетами, даже дают обед. Вот таких «почему» и «отчего» у меня накопился целый сундук. Я и сама не понимаю, как возникает у меня такое множество вопросов.

У мамы и на этот раз не хватило терпения, чтобы продолжать со мной разговор. Волею-неволей мне пришлось пересест к стюардессе. Так называется официантка в воздухе. Вот у нее хватило терпения, она в самом деле знала все и объясняла, как надо. Я засыпала ее вопросами, казалось, что ей ни за что не выбраться из этой кучи «почему» и «отчего», смотришь, она и выбралась, отвечая коротко и легко. Мы здорово с ней подружились.

Как только наш самолет начал сбавлять высоту — об этом нам докладывали стрелки, — воцарилась тишина. Даже я замолчала.

Тут впервые я задумалась об Индии. Куда мы летим? Что нас ждет впереди? Как нас встретят? Какая земля в Индии, вкусна ли картошка, много ли крокодилов? Когда подумала обо всем этом, вдруг так защемило сердце, что и сказать не могу...

Если вам приходилось бывать в деревенской бане, которую в ауле моей мамы почему-то называют «черной», то не трудно бу-

дет себе представить, какая жара встретила нас на делийском аэродроме. Знойный воздух опалял лицо, сразу запершило в горле, просто нечем стало дышать.

Пока мы прошли небольшой путь от нашего «ТУ-104» до вокзала, мы так вспомнили, что рубашки прилипли к спине.

Мы с Мусой впервые в жизни увидели столько посторонних людей. Я сразу начала озиаться кругом, надеясь увидеть в этой толпе папино лицо. Но его нигде не было видно. Я уже начала расстраиваться, мама — тоже. Именно в эту минуту к нам подошел худощавый мужчина с длинной шеей. Сняв с головы широкополую соломенную шляпу, он вежливо улыбнулся.

— Все живы? — спросил он на русском языке. — Если я не ошибаюсь, то передо мной семья Атнагула Шакировича?

Мама страшно обрадовалась.

— Да, это так. Вы не ошиблись, — сказала она, протягивая руку. — Простите, а вы кто будете?

— У Атнагула Шакировича страда, самая настоящая, — он перешел на новую площадь, начал монтировать буровую вышку. Естественно, ему никак нельзя отлучаться на большой срок. Зная, что я еду в командировку в Дели, он попросил меня заодно прихватить и вас. А я очень люблю встречать своих земляков...

— Разве вы тоже с Урала? — обрадовалась я.

— Нет, я не с Урала, — он улыбнулся, — все советские люди — мои земляки.

Он проводил нас в таможенную. Таможенники называют длинный зал, где во всю длину комнаты тянутся длинные столы, а за ними, недалеко друг от друга, стоят индусы, одетые в форменные одежды. Перед ними уже лежали наши чемоданы и вещи других пассажиров. Один из таможенников попросил открыть наши чемоданы, но в последнюю минуту, почему-то передумав, ткнул в них пальцем.

— Нет у вас драгоценностей? — спросил он на английском языке.

Наша мама не знает английского, пришлось мне прийти ей на помощь.

— Нет, — ответила я. — Все драгоценности остались дома.

Высокий дядя с длинной шеей, который теперь нас сопровождал, вдруг вмешался в разговор.

— Когда ты успела так хорошо научиться говорить на английском? — спросил он.

— Английский язык проходим мы с третьего класса, — обстоятельно пояснила я. — Нам, башкирам, не трудно произносить английские слова, потому что у нас есть и картавое «аш» и картавое «с»...

Кажется, зря я стала хвастаться, но уже успела, как обычно, наговорить больше, чем следовало бы. Почему-то я сначала что-нибудь скажу, а только потом уже начинаю об этом сожалеть...

В этот миг я случайно подняла глаза и снова увидела улыбающегося индийца в чалме, который нас встречал еще в Ташкенте.

— Разве он тоже с нами прилетел? — не сдержалась я, пораженная этой встречей.

Дядя громко рассмеялся.

— Такая скульптура украшает все аэровокзалы, — ответил он. — Я думаю, нам пора

познакомиться: меня в России все соседские мальчишки называли «инженером дядей Серафимом», если вам не трудно будет, так и называйте. А как тебя зовут? — спросил он, обращаясь к моему брату.

— Муса.

Я, не дожидаясь вопроса, сама подсказала:

— А мое имя — Шаура!

— Красивые имена, — похвалил он. — Теперь посоветуемся, на чем нам ехать дальше. На поезде от Дели до Сибсагара четверо суток, плюс три пересадки. Если вы не утомились, то лучше всего сесть на местный самолет. Всего шесть часов лету. Что выбираете?

— Полетим, — ответила мама за всех. — Мы ведь так соскучились по Атнагулу!

Это, я думаю, был самый убедительный довод в пользу самолета.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Возле ворот нас уже поджидала длинная белая машина, похожая на шуку. Я невольно оглянулась назад, мысленно прощаясь с «ТУ-104», который улетит в Ташкент, оставив нас на чужой земле.

Инженер дядя Серафим сел рядом с шофером, а мы все примостились на заднем сидении.

Шофер вел машину с ветерком, стало легче дышать.

Сначала дорога юлила по окраине города, среди пустырей и небольших полей, потом все чаще и чаще стали попадаться дома. Вот показался большой, загадочный город Дели.

Как пояснил инженер дядя Серафим, нам придется переночевать в гостинице «Амбасадор», а потом уж лететь дальше. Иначе мы не выдержим дороги.

Вот и улицы! Как они не похожи на наши, уфимские... В первом этаже небольших домиков сплошь магазины или мастерские. Толпы людей заполняют тротуары. Сами индийцы совсем не обращают внимания на изнуряющий зной: они как ни в чем не бывало болтают между собой, торгуются, и, собравшись в кучу, ведут оживленные разговоры. И совсем-совсем не боятся солнца!

А как странно они одеваются! Где же брюки или платья? Мужчины и женщины завернулись в материю и ходят себе — вот и вся их одежда!

На это обратила внимание и мама. Инженер дядя Серафим сказал:

— Женщины здесь носят сари, а мужчины — дхоти...

Ему все, все известно!

Женщины прикрывали голову одним концом сари, а мужчины или ходили без головного убора, или же носили чалму.

— По тому, кто как носит чалму, можно определить его национальность, — весело говорил инженер дядя Серафим.

— Неужели? — ахнула я.

— Вон на тротуаре стоит человек, он — раджпут, — пояснил он. — Чалма его сдвинута на одно ухо, она сидит бочком... Вот дорогу переходит настоящий пенджабец. Их чалмы закручены башней, настоящий минарет мечети. У патанов, наоборот, чалмы низкие, точно помятые. Взглянем теперь на нашего шофера, видите, как падает вперед его чалма? Так носят бородатые сикхи...

Наше знакомство с Индией началось, как видите, с головных уборов. Нам хотелось узнать очень многое... И немедленно. Однако, сколько мы ни вытягивали шеи, все равно увидели очень мало.

И ехать на машине было как-то непривычно. У них, индийцев, оказывается, левостороннее движение. Так и кажется, что вот-вот столкнешься с встречной машиной, то и дело я жмурилась.

— Обезьяна! — внезапно воскликнул до сих пор молчаливый Муса. — Ух, какая верткая!

— Где?

— Вон на заборе!

— Их тут целое стадо! — добавила я, следя глазами за обезьянами. Они висели на ветвях, бегали по крыше, возились на высоком заборе.

— Попугаи! Их тоже тысячи! — воскликнула я.

Я привыкла видеть попугаев только в клетках, поэтому не верилось, что они могут жить на свободе, как наши воробьи, или, скажем, грачи.

Все же в этот первый день нашего путешествия по Индии нас особенно поразили... коровы. Да, да, самые обыкновенные! Куда бы ни взглянула, всюду коровы, то черные, то сивые, то пестрые, то бурые... Они шли по тротуару, или по мостовой, вели себя как вздумается. Из-за одной пеструшки, переходившей улицу, остановилось все движение! Если бы у нас, в Уфе, случилось что-либо подобное, ну и попало бы милиции!

— Коровы считаются тут священными животными, — объяснил инженер дядя Серафим. — Считают, что после смерти человека его душа переселяется в других животных и особенно охотно в коров...

Позади остались шумные улицы, памятники и дворцы. Вот мы и у цели. Наша гостиница — высокая, белая — утопала в зелени. Тут, почти у ее ворот, произошло одно необычное событие, которое удивило и смутило меня. И не только меня...

Не успели мы выйти из машины, как на тротуаре появился старик. Весь его лоб был испещрен белыми полосами. Неожиданно старик круто свернул с дороги и дальше проследовал по мостовой, хотя на тротуаре всем бы хватило места.

— Что с ним? — спросила я, огорченная этим, — неужели он не хочет с нами встречаться? Боятся нас или стыдятся? Что мы ему плохого сделали?

— Старик принадлежит, наверное, к какой-нибудь низшей касте, — сказал инженер дядя Серафим. — По старому обычаю, раньше широко поощрявшемуся англичанами, человек, принадлежащий к низшей касте, должен был всем уступать дорогу...

— Теперь же англичан нет, их выгнали! — воскликнула я.

— Обычаи переживают людей, — отозвался с грустью наш спутник.

В это время на меня чуть не налетел велосипедист. Тут уж не до расспросов было. Индийским велосипедистам, оказывается, разрешают ездить только по тротуарам, одним словом, держи ухо востро!

СТОЛЬ СЧАСТЬЯ

Я родилась неправильно. Мне, пожалуй, следовало родиться самым настоящим мальчишкой, а не девчонкой. Так думает мама. А я с ней согласна на все сто процентов.

Чего тут скрывать, сроду у меня не лежала душа к девчачьим играм. Представьте себе, у меня нет ни одной куклы! По мне мальчишеские забавы куда интереснее! Мама находит у меня много «мужских интересов». Может быть, она и права?

К ним, к «мужским интересам», прежде всего она относит мои увлечения путешествиями. Первое путешествие, по словам моей мамы, я совершила в трехлетнем возрасте. Она поймала меня уже на окраине поселка, за мостом, и на вопрос: «Куда направилась?», будто бы я ответила: «В Уфу». А между тем, от нашего поселка до Уфы лежал путь почти в двести километров, о чем я разузнала намного позже. Ведь в трехлетнем возрасте ничего еще не соображаешь.

И позже со мною бывали разные приключения. Сколько раз я пропадала целыми днями в Затоне или на Цыганской поляне, и сказать трудно.

Отчего я такая бродячая? Никто толком это объяснить не может. Но про себя я думаю, что страсть к дороге мне передалась по наследству. Ведь папа тоже оправдывает

себя, если что-либо натворит, тем, что в нем якобы внезапно проснулась древняя кровь кочевника. Наверное у нас с ним одинаковый состав крови, потому что у меня тоже время от времени начинает бурлить что-то внутри.

Вот какие мысли лезли в голову, когда я лежала на широкой деревянной кровати, а рядом, на второй, уже спала мама.

За окном, задернутым камышовыми шторами, отчаянно звенела какая-то птица. Далеко-далеко, за стеною, гудели машины, а прямо надо мной, на потолке, медленно и бесшумно кружились длинные лопасти вентилятора. От него шел приятный ветерок.

Полчаса назад, как только пообедали, инженер дядя Серафим предупредил, что забирает к себе в номер «представителя мужского пола», то-есть Мусу, а нас, женщин, оставляет одних. От него же мы узнали, что в Дели наступило время послеобеденного сна.

Меня нельзя принуждать к чему-либо, наверное, оттого, что во мне крепко сидит «дух сопротивления». Его лет пять назад во мне обнаружил папа, и с тех пор, по-моему, этот самый дух никуда не делся и уходит куда-либо не собирается. Тут еще совсем нехстати, вдобавок к упрямому духу, стала просыпаться во мне древняя кровь кочевника. И она сказала мне: «Раз, два, три! Шаура, прочь

с кровати!» Только я хотела послушаться этой властной команды, как услышала вкрадчивый шепоток: «Погоди, Шаура!» — это заговорила во мне душа.

Наша древняя кровь кочевников — буйная, непослушная, азартная, а душа — она мягкая, податливая, спокойная. И вот слышу, они заспорили между собой, а я преспокойно валялась в кровати и ждала, чем все это кончится. Про себя решила: не буду им мешать, пусть спорят. Чья возьмет, тому, значит, и случиться...

Буйная кровь вела себя, как на митинге: «Вон на улицу! — кричала она. — Там солнце и люди!»

Я ждала, что скажет душа.

«Стоп, Шаура! Всеу свое время», — заволаговалась она.

«Ты, Шаура, первый день в чужой незнакомой стране, — продолжала наступать кровь. — Тебе должно быть стыдно, что нежишься в прохладе гостиничного номера! Неужели ты перестала быть сама собой!»

На что благоразумная душа ответила:

«Индия никуда не уйдет! Дели — тоже. Закрой глаза и оставайся в постели.»

Кровь моя запальчиво: «Ничего не случится, если выйдешь на улицу и прогуляешься, пока спит твоя мама. Никто об этом не узнает, если поднимешься тихо-тихо...»

Так я и знала, во мне все-таки победила древняя кровь кочевника, а не благоразумная душа. Наверное, девочки для того и созданы, чтобы огорчать своих матерей...

Не успела я выбежать в небольшой скверик, окруженный высокими пальмами, как сразу застыла от удивления. Девочка моих лет, с длинными блестящими волосами, одетая в желтое ситцевое сари и босоногая, часто-часто била в барабан, напоминающий маленький бочонок для кумыса, а две мартышки под эти дробные звуки изображали: одна больную, а вторая — доктора.

Ничего более смешного я еще не видела в своей жизни. «Больная» никак не поправлялась: растянувшись на земле, все чмокала губами и стонала, требуя лекарства. А лекарством служил малюсенький кусочек сахара. «Доктору» в конце концов надоело отдавать все сладости «больной», поэтому она сама вдруг улеглась на землю, требуя свою порцию сладостей...

Волей-неволей пришлось дрессировщице взяться за тоненькую бамбуковую палочку... Обезьянки, как по команде, сразу ожили.

Когда представление закончилось, девочка протянула руки двум шоферам, глазевшим на обезьянок — но никто из них ничего не дал.

Только тут я поняла, что спектакль платный. Но мне тоже платить было нечем; чтобы не обидеть девочку, я протянула ей свой бантик.

Она не взяла его. Мне так понравилось ее благородство, что я тут же решила с ней подружиться. Не успела я назвать свое имя, как она отозвалась: «Мумтаз».

В знак дружбы я надумала сплясать башкирскую пляску. В нашем народе много разных плясок, пожалуй, сто будет. И охотничьи, и просто такие. «Девочкам не подобает исполнять охотничьи танцы», — всегда предупреждает мама. Поэтому я не стала показывать ей пляску с саблями, хотя и знала ее, а сплясала про то, как девушка месит тесто и режет лапшу, — и при том не отнимая глаз от воображаемого зеркала.

От моей пляски пришли в восторг не только Мумтаз, но и прохожие, которые, оказывается, успели окружить нас. Неожиданно мне под ноги посыпались маленькие блестящие монеты.

Мне стало нехорошо, я ведь не артистка и не привыкла за свой талант получать деньги. Я думаю так: если и буду артисткой, а это случится вряд ли, — то и тогда буду плясать бесплатно. Честное слово!

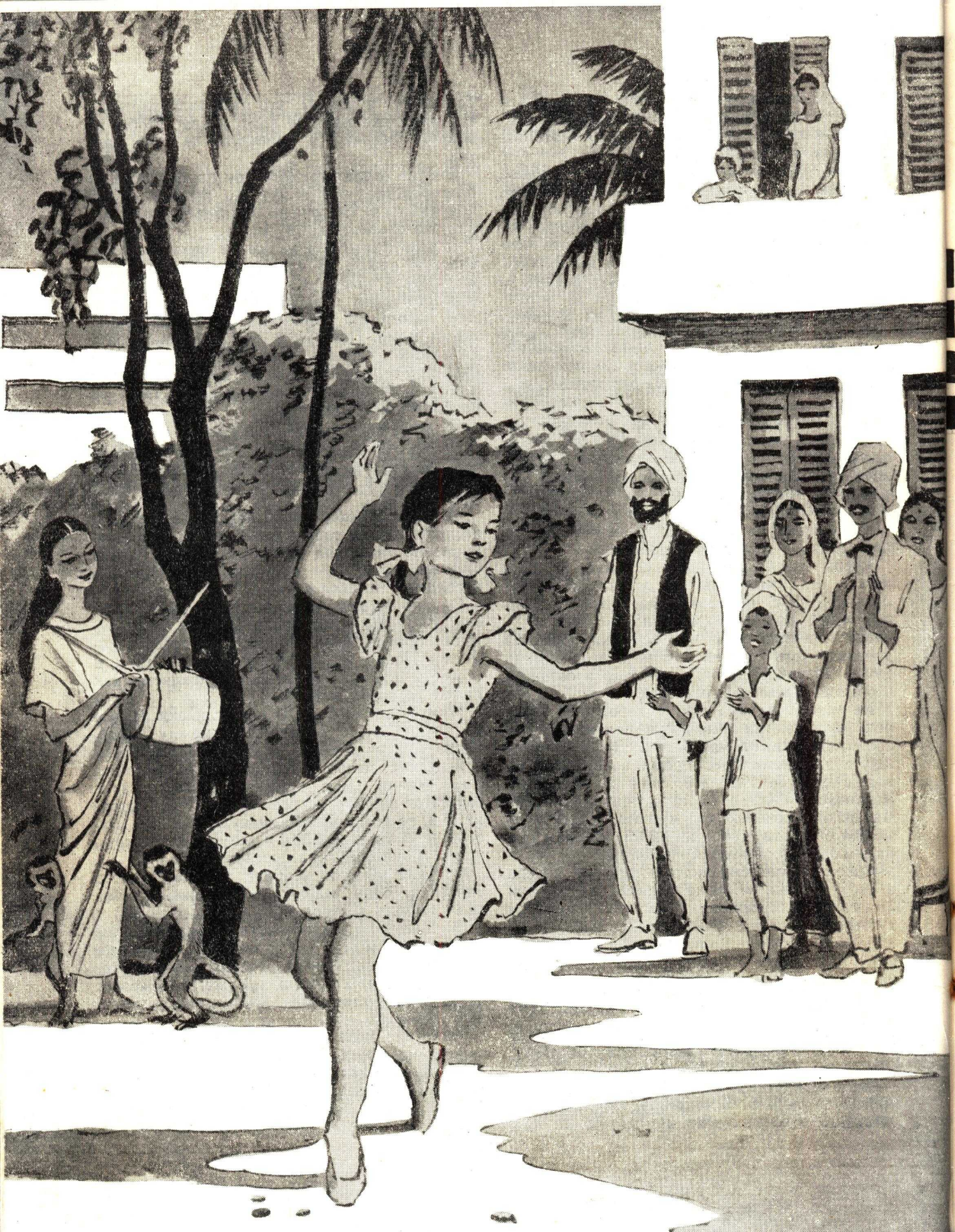
Однако Мумтаз повела себя совсем иначе, она быстренько подобрала монеты и по-дружески обняла меня. Значит, я ей здорово помогла. Поняв это, я перестала стыдиться, и «совесть моя окончательно успокоилась», как любит говорить мой папа.

Мумтаз немного знала по-английски. И нам не трудно было объясняться между собой. Через минуту Мумтаз в знак благодарности пригласила меня к себе домой в какой-то Кутуб-минар. Мне неудобно было отказываться от первого приглашения в чужой стране, и я, не долго думая, кивнула головой. Про себя решила: задержусь у нее самую малость, успею вернуться, пока проснется мама...

Сначала мы шли пешком, а потом Мумтаз упростила одну машину остановиться — мы разместились в кузове.

Мы ехали по старой части города. На улицах веселились, — кто танцевал, кто пел, а кто и кричал, громко расхваливая свои товары; парикмахер брил тут же, под ясным небом. Множество людей сидело вокруг уличных жаровень.

Мимо нас бежали дворцы, «великолепные и полные чудес», как обычно говорится о них. То и дело появлялись старые дома, с покосившимися крышами, покрытые трещинами. Особенно мне понравились дома с козырьками — для тени и прохлады.



Нам встречались сине-серые буйволы, у которых рога были загнуты назад. А в нишах некоторых домов застыли каменные идола...

На площадях стояли английские, как пояснила Мумтаз, памятники. Одних губернаторов я насчитала целых три.

Ехали мы очень долго, центр города давно остался позади, вот уж окраина, а дома Мумтаз все не было. Я уже начала волноваться и укорять себя в безрассудности, но именно в эту самую минуту моя спутница попросила шофера остановить машину.

Кутуб-минар, оказывается, вовсе не дом, а высокая-превысокая мечеть. Она раза в три будет повыше нашей уфимской водонапорной башни. Как только мы подошли к толстой полуразрушенной стене, Мумтаз сказала, что она — бездомница...

Я спросила:

— А что такое «бездомница»?

— Значит у меня нет ни работы, ни дома, ни родителей, — ответила она.

На мои глаза вдруг набежали слезы, и я не стала ее дальше расспрашивать. Наверное, родители умерли от голода или от эпидемии... Об этом я читала в своих учебниках.

— Вот мои друзья! — проговорила она, показывая на старое одеяло.

Взглянула я на зеленое одеяло и ужаснулась: из-под него выглядывало пять мальчишеских ног, черных, да вдобавок еще грязных. Один из них без одной ноги, что ли, или ловко подобрал ее?

— Они работали до обеда вот с этими мартышками, — объяснила Мумтаз.

Для того, чтобы увидеть всю мечеть, надо отойти далеко-далеко и закинуть назад голову. Только тогда можно заметить, что три первых этажа Кутуб-Минара выложены из песчаника, а два последних — из мрамора.

Я спросила Мумтаз:

— Можно ли подняться наверх? До самого верха?

Она сказала, что можно.

Пока поднимались по крутой винтовой лестнице, несколько раз сбиваясь, я насчитала триста семьдесят пять ступенек. Однако, Мумтаз сказала, что ступенек тут триста семьдесят девять, не больше и не меньше. И это подтвердилось на обратном пути, когда я снова пересчитывала ступеньки.

Но мне больше понравилась металлическая колонна, которая стоит во дворе, среди развалин, окружавших Кутуб-Минар. Этот железный столб, как написано тут же на доске, стоит уже полторы тысячи лет и не берет его никакая ржавчина.

Мумтаз, словно добрая хозяйка этой башни, сказала:

— Становись, Шаура, спиной к столбу и попробуй обхватить его руками. Если тебе это удастся, то в жизни ждет большое счастье, — есть такое поверье. Поэтому все люди, которые приезжают взглянуть на Кутуб-Минар, обязательно пробуют обхватить руками «столб счастья».

Мне, однако, не удалось обхватить руками железный столб, но я не особенно огорчилась: он ведь рассчитан на взрослых, а не на детей... Но про себя подумала, что такой столб счастья обязательно нужно завести и в Уфе. И тут же наметила для себя план действия: об этом столбе напишу домой Дальвосу, чтобы он сагитировал своего папу. А его папа в свою очередь вовлечет в это дело мастера, мастер — начальника цеха. А тот уж как-нибудь уговорит директора завода поставить железный столб счастья. Мне доподлинно известно, что на уфимских заводах железа сколько хочешь, и им ничего не стоит отлить столб, какой хочешь...

До гостиницы добралась я только в сумерках и уж лучше не рассказывать, что затем случилось. Ведь взрослые не всегда понимают, ради чего ребенок совершает тот или иной проступок, — мою маму не заинтересовало ничего из того, что меня взволновало: ни Мумтаз, ни Кутуб-Минар, ни даже «столб счастья»...

САМОЕ СЛЕЗЛИВОЕ МЕСТО В МИРЕ

— Если вам вздумается написать свой адрес уфимским друзьям, то не стесняйтесь, так и пишите: «Самое слезливое место в мире», — улыбнулся дядя Серафим, как только мы прилетели в город Сибсагар.

— Как так? — не поняла я.

— Индийцы сами так называли свой штат Ассам, — ответил он, тихо посмеиваясь. — Тут за один год в среднем выпадает двена-

дцать метров осадков, несравненно больше, чем где-либо в другом месте.

После города Сибсагара нам пришлось пересест на пассажирский поезд, вагоны которого, всем на удивление, были выкрашены в красный кирпичный цвет. Скажу вам по правде, мне совсем не понравились эти вагоны, узкие и тесные. Даже спальных мест нет. А вот вентиляторы, свисающие с потолков,

здорово понравились. Если бы не они, тут недолго бы и задохнуться, такая жара стоит, просто ужас!

В конце узкого коридора показался проводник вагона. Он вдруг тряхнул своими толстыми черными бровями, закрывающими почти половину лба, и ласково улыбнулся.

— На каком языке вы разговариваете между собой? — заинтересовался он.

— На башкирском, — ответила я.

Как только он услышал, что мы из Советского Союза, то сразу заулыбался, растроганный, протянул руку мне, потом Мусе.

— Очень рад, — проговорил он по-английски. — Спасибо!

За что нам спасибо? Мы даже не поняли. Ведь мы ничего хорошего сделать не успели.

Мама и инженер дядя Серафим так увлеклись разговором о нефти, о буровых, что на нас не обращали внимания. Воспользовав-



— За свою долгую службу много слышал всяких языков, но о существовании такого языка, как ни удивительно, не имел никакого представления. Сам я знаю хинди, бенгальский, немного урду и английский. Сопровождал и французов, и американцев, и, конечно, англичан, ездили со мной японцы, даже испанцы, но башкир вижу впервые.

— Мы с Урала.

Этим, я прикорнула в углу. Муса прилежался на соседней скамейке. Под шум колес, под монотонный разговор взрослых мы и не заметили, как уснули.

Мне показалось, что только я закрыла глаза, а меня уже будили. Никак не хотелось просыпаться. Мама сердито начала тормошить меня.

— Вставай, приехали.

Я нехотя открыла глаза — почему так быстро приехали? Самое время спать!

Поезд стоял. Впереди тяжело дышал паровоз. Кругом темным-темно. Все же я заметила: на перроне полным-полно народу, людей видимо-невидимо, где же мой папа?

Не успела я так подумать, как меня кто-то крепко-крепко обнял.

— Папа, мой милый! — прошептала я, прижимаясь к нему.

Другой рукой он обнял Мусу, так что маме ни одной руки и не осталось, поэтому она сама прильнула к нему.

На нем белая рубаша, светлые брюки, на голове — соломенная шляпа, а на ногах — сандалии... Какой-то странный, но свой, родной! По-видимому он здорово соскучился о нас: никогда так не целовал, как сегодня.

Десятью минутами позже мы уже ехали на автобусе, в котором были столы, удобные кресла, даже душевая комната, не говоря уже о вентиляторах. Снаружи мелькали какие-то тени и призраки. Мне хотелось спать, поэтому, уткнув нос в грудь папы, я опять заснула. В его объятиях почувствовала себя, словно в родном доме...

Меня разбудили, когда наш автобус уже стоял возле большого и загадочного дворца.

— Тут мы и живем, — потрепал меня по плечу мой папа. — Раньше в нем жил богатый магараджа.

— Магараджа? — все-таки успела переспросить я. — Заводчик, что ли? Или купец?

— Князь, вроде маленького царька! — объяснил папа. — Но о нем потом... Вижу, вам спать хочется. Идемте.

Именно в это мгновение к нам подошел человек с фонарем. То был индеец с черной длинной бородой.

— Позвольте приветствовать вас на индийской земле, многоуважаемая супруга посла, — проговорил он учтиво, подняв к подбородку сложенные руки.

— Почему он называет маму женой посла? — шепотом спросила я у папы.

— Всех советских людей, приехавших помогать им строить заводы или вот, как мы, искать нефть, индийцы с уважением называют послами, — проговорил папа.

Тут перед нами возник индийский мальчик, ростом, как Муса, но смуглый и длинноволосый.

— Познакомьтесь с моим другом и товарищем по буровой дядей Мухури, — сказал папа, — и его сыном.

Я не знала, что и делать: наверное, у них не принято подавать руки, ведь никто же из них не протянул руку, — поэтому я, сложив ладони, подняла их вверх.

Это понравилось нашим новым друзьям: они, довольные, улыбнулись. А папа, обняв меня, воскликнул:

— Отлично! Прекрасно! Когда это ты успела познакомиться с местными обычаями?

Я стояла и думала: «Если мой папа посол, — говорила я себе, — мама супруга посла, а Муса сын посла, выходит я дочь посла! Не иначе!»

ОРЕЛ КАРАУЛИТ НАШ ДВОРЕЦ

Сквозь сон мне показалось, что кто-то пристально на меня смотрит, — от этого я и проснулась. Открыла глаза и опешила: в самом деле, на меня уставился четырехрукий каменный человек с удивительно живыми глазами. Со страхом я подумала — где же я нахожусь?

Если бы в эту минуту ко мне не обратился Муса, то дело кончилось бы тем, что я подняла бы громкий крик. Только сейчас я сообщила, что нахожусь в Индии, во дворце магараджи, здесь сейчас живут нефтяники, а раньше жил сам царек.

Я бросилась к окну. Солнце успело подняться высоко и весело заглядывало в нашу маленькую комнату.

Из окна второго этажа открывался чудесный вид. Совсем рядом лежало небольшое озеро, в которое спускалась старая каменная

лестница, местами разрушенная. Сразу за озером начинались поля. Желтые цветы — это горчица. Сахарный тростник поднимался, как лес... Но стоило повернуть голову чуточку влево, как открывался вид на реку, большую, как мне показалось, она раза в два будет пошире нашей Белой.

Но сколько я ни всматривалась в парк, окружающий дворец, нигде не заметила ни одной березы и ни одного дуба. Не было тут ни сосны, ни ели и все деревья какие-то странные, незнакомые, чужие.

«В большом дворце, наверное, сотни комнат, — подумала я. — Неужели в нем жил один магараджа? Что он в нем делал? Тут от скуки умрешь!»

— Слушай, Муса, — обратилась я. — Как думаешь, не пора ли нам обследовать дворец? Ведь мы сроду в таких хоромах не жили

и вообще... Пока все спят, мы с тобою успеем заглянуть во все щели.

Об этом он, видимо, и сам думал.

— Мысль! — воскликнул он, бросаясь к двери. — Давай на перегонки! Раз... два, три!

Он сорвался, как ошалелый, вслед за ним бросилась и я, и тут на каменной лестнице мы сразбегу налетели на инженера дядю Серафима, который шел с полотенцем через плечо, и чуть-чуть не сбили его с ног.

— Куда вы несетесь, чуть свет? — спросил он, схватив нас обоих в охапку. — Ну, докладывайте!..

Мы стояли, потупив взоры. Нам и в голову не пришло извиниться перед ним. Наконец, Муса проговорил:

— Мы думали, что все еще спят...

— Вот и ошиблись! Без малого тридцать лет зимой и летом, в будни и в праздники, я выхожу на свидание с солнцем. Привычка, ничего не поделаешь. Тут, естественно, и любовь, и спортивный азарт, и все остальное... Не правда ли, приятно каждое утро здороваться с солнцем?

— Мы бежали обследовать дворец, — сказала я.

— Вон оно что! Так бы и сказали, — проговорил он. — Возьмете меня в свою компанию?

— Конечно, — сказал Муса.

Мы втроем вышли в парк и остановились возле скульптуры: три льва сидели спиной друг к другу.

— Ну, с чего начнем? — спросил инженер дядя Серафим. — Комнат тут много, пожалуй, побольше будет, чем в десяти театрах. Одним днем тут не обойтись...

— А как же быть? — испугалась я.

— Для первого раза остановимся здесь, возле трех каменных львов, и взглянем внимательно на стены дворца...

Мы с Мусой по примеру инженера дяди Серафима откинули назад головы и стали внимательно глядеть на стены дворца.

— Смотрите еще выше!

И тут мы, прикрыв глаза ладонью, в утренних лучах солнца увидели самого настоящего орла, важно восседавшего на куполе ажурной беседки.

— Орел! — не удержалась я.

— Орел-стервятник, гриф! — подтвердил инженер дядя Серафим. — Он облюбовал эту

беседку с тех самых пор, как был построен дворец. Живет он тут, не много не мало, четыреста лет!

— Откуда вы узнали?

— Мне об этом сказал наш повар господин Тандон. Он и должен знать, ибо все его предки принадлежали к касте боварчи, к сословию поваров и верою и правдою служили в этом дворце.

Я никак не могла поверить, что орел может жить на одном месте так долго. Четыреста лет — не малый срок!

— Первый магараджа, который строил дворец, как об этом говорит предание, приручил орла и заставил служить его часовым. Как только вдали появлялись всадники или неприятельские солдаты, гриф начинал кружить над дворцом. После смерти старика магараджей стал его сын. И вот однажды в припадке гнева он убил свою жену и ее сердце бросил стервятнику. С тех пор, утверждает предание, орел перестал служить людям...

— И правильно поступил! — в сердцах воскликнула я.

Инженер дядя Серафим продолжал свой рассказ о других магараджах и о том, что последний из них хотел увезти с собой орла, когда оставлял дворец правительству, но птица не захотела за ним последовать...

А я думала о своем. Почему, спрашивала я, Мумтаз и ее друзья бездомные, а тут столько пустующих комнат? Ведь несправедливо!

— Ладно, на первый раз хватит, — улыбнулся инженер дядя Серафим. — А теперь займемся парком. Сам бы с вами охотно побегал, да вот дела...

И тут Муса бросился в сторону озера, которое мы заметили еще из нашего окна. На узкой дорожке мне удалось перегнать брата. Но перед самым моим носом он успел нырнуть. Я бы тоже сходу бросилась в воду, если бы не надо было скинуть платье.

Каменная лестница не имела перил. С большой осторожностью, примеряясь к каждой ступеньке, я начала спускаться по ней, пуще всего боясь оступиться.

К своему великому ужасу, я заметила на глади озера двух желтоголовых змей. Они спокойно, не обращая внимания на бултыхающегося в воде Мусу, переплывали озеро.

Продолжение следует.

СЛОВО БОРЕТСЯ, СЛОВО ПОБЕЖДАЕТ

*К семидесятилетию
И. Г. Эренбурга*



Снимок сделан четверть века назад, в Испании. Илья Григорьевич Эренбург стоит под знаменем, на котором написано: «Колонна свободы. Илья Эренбург».

1937 год. Испания. Храбро дерутся с фашистами герои-республиканцы. На их знаменах имена Эрнста Тельмана, Василия Чапаева, Георгия Димитрова. И еще одно имя на их знамени: имя человека, который собирает деньги на оружие, выступает в окопах перед бойцами, пишет об их подвигах взволнованные статьи. Этого человека зовут Илья Эренбург.

* * *

1942 год. Советский Союз. Бои под Москвой, под Ленинградом, в излучине Дона. Враг рвется к Сталинграду. В траншее комиссар читает газету «Красная звезда». Внимательно слушают солдаты.

«...Вот этот дом сейчас для тебя Родина. Тебе доверили его защищать, и ты защищаешь не маленький домик, но великую Россию... Мы выстоим... Мы не дрогнем».

— Не дрогнем. Спрячьте газету, нельзя ее на курево: там Эренбург.

* * *

1950 год. Швеция. Стокгольм. Несколько человек склонились над листом бумаги. Завтра эту бумагу подпишут тысячи и тысячи тысяч, воззвание назовут Стокгольмским, оно навеки войдет в историю. А пока — десяток строчек на листе: «Долой войну! Запретим атомную бомбу!» — и подписи. Первые, са-

мые первые подписи: Жюлио Кюри, Ив Фарж, Изабелла Блюм, Илья Эренбург.

* * *

19... Это было в прошлом году, в позапрошлом и в нынешнем. Это было в Москве и в Женеве, в Париже, Варшаве и Вене. «Эренбург, писатель, СССР», — объявляет председатель. И на трибуну поднимается невысокий, сутуловатый седой человек. Он говорит о детях, которым нужен мир, о рабочих и крестьянах, которым нужен мир, о мире, которому нужен мир, как воздух. И пусть уже семьдесят лет исполнилось тому человеку, — он боец и не устанет бороться: бойцы всегда остаются бойцами.



РАМОН

Бастула Перес

Рисунки Н. Лямина

Рамонсито — сын трамвайщика Пако — ужинает вместе с отцом и матерью. Запив ненавистную чечевицу водой, он берет карандаш и листок дешевой бумаги. По вечерам отец учит его читать, писать и считать.

— Записывай, Рамон. Фасоль — 1 песета; хлеб — то же самое; картошка — полпесеты; вино — 1 песета; растительное масло — 45 сентимо; ячменное кофе — 40 сентимо; сахар — 60; табак — 30. Одежду и обувь, хоть редко, но все-таки приходится покупать, на это кладут 2 песеты. И 80 сентимо на дорогу. Сколько выходит в неделю?

— Да такие расходы нас разорят в первый же день! — ужасается мать.

— Успокойся, жена. Это просто упражнение по арифметике.

Рамон уже все подсчитал. На день приходится 8 песет 5 сентимо, значит, расход в неделю — 56 песет 35 сентимо.

— Ты ошибся, — отец заглядывает в свой листок. — Если 8 песет 5 сентимо умножить на 6, получим...

— Папочка, но в воскресенье мы тоже хотим есть...

— А ведь и правда, сынок. Это я ошибся: ведь мне-то платят только за шесть дней. Сосчитай-ка теперь: если получаю 50 песет в неделю, то сколько у нас там останется?

— Останется? Ничего не останется. Даже не хватит 6 песет и 35 сентимо.

— Ну, их придется занять.

— А плата за квартиру? — спрашивает мать.

— Придется поработать сверхурочно.

— Но ведь ты сейчас сам сказал, что это только упражнение по арифметике!

— Значит, цифры случайно совпали. Ну, ладно, хватит. Знаешь, что я скажу тебе, сынок? Больше мы заниматься не будем. Придется поставить точку. Иди в школу, если хочешь знать больше, чем знает твой отец.

* * *

— Нет, сеньора. Некрещеного мы не примем. И ни одна монастырская школа не примет.

— Но, ведь ему уже исполнилось пять лет, а на платную школу у нас нет денег!

— Очень вам сочувствую, — томно вздыхает монахиня. — И мы можем помочь вам: мы окрестим его у нас в монастыре. Если вы ничего не имеете против, мы попросим сестер подготовить его и в следующее воскресенье окрестим.

— Что же делать? Ведь его отец не верит в бога. Он просто умрет от огорчения!

— Не умрет. А впрочем, если вы не хотите...

— Нет, нет, вы не так меня поняли! Не оставайтесь же ребенку неучем!

Монахиня улыбнулась и погладила Рамонсито по голове.

— Вижу, ты умный мальчик! И послушный, правда? По воскресениям ты будешь ходить в церковь вместе со школой и причащаться. Как тебя зовут?

— Рамон.

— Рамонсито, дитя мое, ведь мы будем с тобой друзьями, правда? И ты будешь во всем меня слушаться?

Рамон, спрятавшись за мать, внимательно разглядывал монахиню. У нее правильные черты лица, тонкая, недобрая улыбка, пухлые белые руки под черной накидкой играют распятием... Она красивая, конечно, не такая красивая, как мать, хотя у той и нет яркого румянца на щеках...

* * *

Отец Рамона не находил себе места. Он метался по тесной комнате, как зверь в клетке, все время натываясь то на стол, то на один из двух стульев, и кричал как в бреду:

— Я — не крещеный. И отец мой — не крещеный. всю жизнь я воюю с фанатиками и попами, и вот на тебе... Этого только не хватало!

Он остановился перед своей фотокарточкой. Тогда, в молодости, он работал подмастерьем у каменщика, но зарабатывал больше, хотя теперь и стал квалифицированным рабочим.

Мальчишкой, он не мог поступить в школу, потому что был не крещеным. А в эту минуту его сына, должно быть, крестят. Он опустил голову, и тяжелая слеза медленно поползла к подбородку.

— Папа, папочка! Знаешь, я поссорился со священником! Он такой дурак!

Отец опустился на стул и молча ласково потрепал Рамонсита по щеке.

— Когда меня собирались облить водой, я сказал, что ты не разрешаешь этого делать. А он строго посмотрел на меня и сказал, что ты нехрист, а я закричал, что он сам нехрист и что я хочу быть таким, как ты. Тогда меня хотели выгнать из церкви. А мама мне шепнула, что если меня выгонят, она умрет, и я не буду учиться, и не стану доктором, и не смогу лечить вас, когда вы будете старенькими и больными. Тогда я замолчал и меня окрестили...

— Да, да, сынок. Выучиться на доктора — это самое главное. Ведь больных бедняков очень много, и им нечем платить за лечение.

* * *

Монастырская школа недалеко от дома. Она занимает весь второй этаж, а внизу — коровник. Тяжелые испарения пропитывают всю школу. Учительница-монахиня время от времени бросает взгляд в сторону окна и морщится.

— Рафаэль, читай!

Рафаэль спешит вниз: парты в классе расположены амфитеатром. Он спотыкается, па-

дает, наступает на ноги, отмахивается от подзатыльников.

Добравшись до середины класса, он открывает молитвенник и медленно, по складам, читает. Его никто не слушает. По классу летает огромная муха, и мальчишки внимательно следят за ней. Вот она подлетела к одному из них, тот с силой отмахнулся, потерял равновесие и чуть не упал со скамьи. Монахиня молча грозит линейкой. А Рафаэль все читает, читает... Буквы начинают расплываться — он сегодня не завтракал, кружится голова, заплетается язык...

Трах! Рафаэль получает подзатыльник.

Наступает очередь Рамона. Он почти кричит:

— У души есть три врага: сатана, плоть и мирская суета!

И задумывается: почему суета — враг? Ведь когда по воскресеньям мама суетится на кухне, приготовляя мясо, — это так хорошо!

— Почему ты остановился?

— ...Архангел Гавриил приблизился к святой деве и сказал...

— Му-у-у, — доносится снизу.

Класс хохочет. Монахиня, поблуднев, дрожа от ярости, бросается к партам. В тот же миг наступает мертвая тишина.

— Читай же, чурбан! Почему ты остановился?

— ...и сказал корове, — ой, что я говорю! — и сказал святой дева...

Монахиня начинает судорожно креститься и повторять:

— Так он сказал корове? Корове? Сестра Пьедад! Скорей сюда! Принесите таз и ножницы! Сейчас мы отрежем язык этому змеенышу!

— М-м-м-м! — Рамонсита кричит, не открывая рта, уткнувшись в колени монахини. А рядом в тазу плещется вода, и у самого лица блестят длинные, страшные ножницы.

— Высунь язык, сатанинское отродье! Не хочешь? Тогда мы запрем тебя в уборной, и ты там заживо сгниешь!

* * *

...Рамон уже два часа сидит в маленькой уборной — закутке, отгороженном от единственного школьного класса. Он забрался на подоконник и смотрит вниз. Под самым окном рабочие чистят колодец. Рядом лежит огромная чугунная крышка. Чуть подальше — большая куча песка и несколько мешков с цементом. Вечер просто великолепный! Рамон думает, что все обошлось не так уж

плохо. Вот если бы чуть пониже, можно было бы даже удрать...

— До завтра, с богом!

— До завтра, с богом!

— Сатана, выходи! — раздается вдруг за дверью хриплый голос. Рамон быстро поворачивается.

— Выходи же, сатана, возьми его к себе.



Это ученики расходятся по домам. Их шаги раздаются по всей школе. Потом наступает тишина.

Рамон чувствует себя таким одиноким, забытым, беспомощным. А ведь скоро ночь... Рамонсито всего шесть лет, и он еще не научился быть храбрым. По щекам покатилась одна слезинка, потом другая, третья...

Голос звучит глухо, вкрадчиво. У Рамона по всему телу бегут мурашки, и в темноте он пятится в противоположный угол.

— Сатана, выходи!

Рамон в ужасе отскакивает. Сейчас появится страшное, омерзительное чудовище и замахнется своими черными вилами...

— Вот он! Хватай его!

— А-а-а! — одним прыжком Рамон перемахивает через подоконник и падает в черную пустоту...

От сильного толчка внутри загудело. Но это пустяки. Он вырвался из когтей дьявола. Домой Рамон едва добрался, бледный, дрожащий, сильно хромя. Следом за ним вошел рабочий из коровника. Мать с тревогой ощущала тело мальчика. До колена нельзя было дотронуться.

— Рамонсито, сыночек мой, где же ты так разбился?

Рамон заплакал. За него ответил рабочий.

— Я стоял у ворот хлева, и вдруг он как с неба свалился. А из окна свесился этот... рыжий верзила... Вся округа его знает. Видно наняли напугать мальчишку. Ну, теперь-то я покажу «сестричке»!

— Только ради бога не говорите ничего моему мужу. Он убьет ее!

— Я ничего не скажу, но вот мальчишку больше не пускайте в школу. Он там или совсем пропадет, или дураком станет.

— А где же ему учиться? Ведь у нас нет денег на платную школу. Придется опять кланяться монахине. Что же еще остается?

— Да, видно, тут уже ничего другого не придумаешь...

* * *

Спустя двадцать пять лет Рамона уже никто не называет Рамонсито. Он стал «сапожником Рамоном» или «хромым Рамоном». Каждый вечер после работы он подзывает своего сына — черноглазого быстрого Пакито, которого все мальчишки на улице зовут «ка-

питаном». Пакито берет карандаш, листок простой бумаги и послушно усаживается рядом с отцом.

— Пиши.

В это время взгляд Рамона падает на портрет отца. Он погиб в борьбе с франкистскими мятежниками в 1936 году. И матери уже нет в живых...

Из некрашеной деревянной рамки трамвайщик Пако внимательно смотрит на своего сына и внука.

— Папа, почему ты молчишь?

— Видишь ли, сынок, выходит, что ты уже знаешь столько же, сколько твой отец и твой дедушка.

— Что же делать дальше?

— Не знаю малыш, — Рамон проводит рукой по больному колену и решительно добавляет: — Не бойся, к монахиням ты не пойдешь.

И, немного помолчав, он говорит тихо, будто самому себе:

— Есть на свете одна страна: Советский Союз. Там дети живут счастливо, очень счастливо...

— Я знаю, папа. Ты мне много рассказывал об этой стране! Но ты не сказал ни разу, что нужно сделать, чтобы у нас в Испании стало так же хорошо...

— Во-первых, Пакито, нужно выгнать Франко, а нашей партии...

— А что такое партия, папа?

— О ней я расскажу тебе, когда ты немного подрастешь. А теперь молчи и записывай: 10 песет на хлеб, 20 — за чечевицу, 12 — за...

Перевела с испанского Л. Якучанис

ВАРЕЖКИ

Иван Антонов

Посинели белые снежинки.
Сумерки. Пора домой идти.
Потерялись варежки у Нинки,
Ищет и не может их найти.
Голубые, с красною дорожкой.
Тёплые, с пушистою каймой.
Плачет Нинка, трет глаза ладошкой,
Не идёт без варежек домой.

Заметил снег. На небе хмуром
Ветер тучу новую нашёл.
К Нинке, не читавшей про Тимура,
Мальчик незнакомый подошёл.
— Ты чего расплакалась, девчонка?
— Потеряла варежки свои.
— Не беда! — сказал мальчишка звонко, —
Надевай-ка эти вот — мои!



ШКОЛЫ-ДА! ПУШКИ-НЕТ!

Рисунки В. Орлова

16 октября 1953 года судьи бросили за решетку революционера Фиделя Кастро. В своем последнем слове Кастро заявил, что главную военную крепость Кубы нужно превратить в школу.

Прошло шесть лет. 14 сентября 1959 года крепость «Колумбия», действительно, превратилась в учебный городок. С речью на празднике выступил Фидель Кастро, премьер-министр новой Кубы.

Мы печатаем его речь с сокращениями.

Дорогие друзья!

Очень долго — я хочу, чтобы вы помнили об этом, — мы ждали наступления этого дня.

Нам пришлось много бороться. Нужно было выиграть много сражений. Мы знали, что выиграем их, потому что правда была на нашей стороне и потому что мы защищали справедливое дело.

Зачем нам крепости? Нам нужны школы. Нам нужны спортивные лагеря. Нам нужно, чтобы во всем мире жилось спокойно, чтобы каждый человек мог жить без страха за свою жизнь.

То, о чем мы мечтали, свершается сегодня.

Вы верите в то, что мы делаем все правильно?

ДЕТИ. Да верим!

КАСТРО. Ну, а я так не думаю. Дело в том, что нас не учили тому, чему вы будете учиться, так как никто об этом не позаботился.

Среди наших повстанцев много замечательных юношей, отважных солдат, которые знали, как победить в бою и не раз побеждали, но они не ходили в школу.

И вот сейчас многие из этих «барбадос», которыми вы так восхищаетесь, будут заниматься тем же, чем и вы, — учиться, потому что они не имели счастья ходить в школу, когда были в вашем возрасте.

Вы верите, что революционная перестройка Кубы уже закончена?

ДЕТИ. Нет!

КАСТРО. Если она не закончена, кто будет ее заканчивать?

ДЕТИ. Мы!

КАСТРО. Правильно. Это вы перестроите Кубу.

Вы хотите быть настоящими гражданами, патриотами своей Родины?

ДЕТИ. Да, хотим!

КАСТРО. Что вы должны для этого делать в первую очередь?

ДЕТИ. Учиться!

КАСТРО. Правильно. Учиться. Тот, кто не хочет учиться, — плохой гражданин, потому что он не будет знать, как лучше выполнить то или иное задание. То, что он хотел бы сделать, не получится у него так, как он задумал.

Я хочу, чтобы вы развлекались и играли. Я хочу, чтобы у вас были спортивные площадки, чтобы у вас были пляжи, где бы вы могли отдохнуть и покупаться. Хочу, чтобы вы совершали экскурсии по стране. Но я также хочу, чтобы вы учились. Учиться ведь тоже приятно.

ДЕТИ. Да!

КАСТРО. Разве вам не интересно читать, что сделали кубинцы для того, чтобы стать свободными?

ДЕТИ. Интересно!

КАСТРО. Вам ведь это нравится, правда? История ведь интересный предмет, да?

ДЕТИ. Да, да!

КАСТРО. Вы хотели бы побывать в тех местах, где сражались повстанцы?

ДЕТИ. Да, да!

КАСТРО. Зачем? Чтобы знать. Верно? И чтобы видеть. Вот для чего мы и учимся: чтобы знать и видеть.

Вы слышали о нашей программе помощи крестьянам?

ДЕТИ. Да, слышали!

КАСТРО. Вы за нее?

ДЕТИ. Да, да!

КАСТРО. Но если вы не будете знать, как сажать семена, как они вырастают, от чего зависит урожайность, то-есть если вы не изучите естествознания, вы не сможете понять, в чем эта помощь заключается.

А если у вас будут нелады с грамматикой и вы захотите когда-нибудь поделиться с нами хорошей мыслью, мы, распечатав неграмотно написанное письмо, можем просто не обратить на него внимания.

Раньше на Кубе было тридцать тысяч солдат. Сейчас у нас шесть миллионов защитников нашей революции, потому что ее поддерживают все от мала до велика. Всех граждан страны

можно считать солдатами революции. Сейчас можно с уверенностью сказать, что эту крепость больше никто никогда не захватит.

Все вы знаете, что сказал Колумб о нашей стране: «Куба — самая прекрасная земля, которую когда-либо видели глаза человека».

ДЕТИ. Да, верно!

КАСТРО. И вот нам выпало счастье жить в этой стране, но до сих пор наш народ не имел возможности видеть ее красоты и наслаждаться ею.

А сейчас мы такую возможность имеем.

Мы передаем вам эту крепость. Мы водружаем над нею наше победоносное знамя. Мы надеемся, что эта церемония послужит примером для всего нашего полушария.

До свидания!

(Участники праздника аплодируют и поют патриотический гимн.)



ГОРОДНО-ГОРОДСКОЙ ШАБ

А. Крестинский

О приезде гостей Женя Баки-Бородов узнал в последнюю минуту, когда надо было начинать сбор штаба. Он поерошил волосы, решительно рубанул ладонью воздух и сказал:

— Сегодня у нас, ребята, такие вопросы. Первый — план двухлетки. Второй — организационные дела. И третий... Обмен опытом с гвинейскими представителями.

То, что после этого последовало, в протоколе выглядит так: «Веселое оживление в зале. Общий шум. Женька просит «добавки». Он хочет напомнить, где находится Гвинея. Смех. Аплодисменты. Дружно: Аф-ри-ка!..»

И вот они сидят в комнате штаба — пятеро африканцев, пионерские работники Гвинейской Республики. Они очень молоды: отрядной вожатой Бинту Макалло тринадцать лет. Бинту смущается и прячет глаза за пушистыми ресницами, когда ей повязывают красный галстук. А Бемба Бангура — председатель Центрального Совета пионеров Гвинеи, стройный, крутолобый, приветливый, говорит:

— Дорогие друзья! Разрешите передать вам большой привет от гвинейских пионеров. Вот уже двадцать два дня, как мы в Советском Союзе. Главное наше впечатление, что Советский народ — очень симпатичный народ. Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов. Что такое штаб? Как он создается? Его цели?..

Африканцы ждут. Ждет переводчик. Марине кивают сразу несколько человек: «Разжигай!» И Марина «разжигает»:

— Штаб организует соревнование между районами, проводит городские праздники...

По школьной привычке тянет руку Сережа Сохранский:

— В штаб входят ребята, которые занимаются пионерской работой от души.

— Я хочу дополнить! — Это Женя.

— Понимаете, — говорит он горячо и, как всегда, жестикулирует. — Ленинград — большой город, очень большой. Он разбит на районы, и для того, чтобы все шли в ногу, соз-

дан городской пионерский штаб... В него входят и председатели советов дружин, и начальники районных штабов, и просто активные ребята...

Шуршат страницы блокнотов, лежат по бумаге карандаши, останавливаются, ждут перевода. Как хорошо сказал русский пионер: «В штаб входят ребята, которые зани-

преодолевают все препятствия, которые чинят нам враги.

Бемба Бангура поднял руку, и в тишине прозвучал призыв:

— Пионеры Гвинеи всегда...

— Готовы! — подхватили остальные.

— Всегда...

— Готовы!

— К чему?

— Служить!

Сбор кончился поздно. Проводили гостей. Веселой гурьбой высыпали на Невский. Пора по домам!

Все они из разных районов, из разных школ города. Кому на Петроградскую, кому — к Летнему саду; одним на Московский проспект, другим еще дальше: на Выборгскую, на Охту, за Невскую заставу...

Что привело их сюда? Что сдружило? Какие у них дела и заботы? Слушайте: слово Городскому штабу.

ДУМАЕТЕ, ВСЕ ГЛАДНО?

«...Сережа встает и говорит: — Вот что, товарищи фрунзенцы! Был я у вас в одной школе. Там совет дружины и старшая вожатая почем зря снимают с пионеров галстуки, а через неделю — другую надевают снова...

— И правильно делают, — сказал член районного штаба Саша Прутт.

— Нет, неправильно. Разве так можно: захотел — снял, захотел — надел... Чего тогда стоит звание пионера?

— А кто плохо учится — не позорит организацию?

— Воспитывать надо. Галстук снять никогда не поздно.

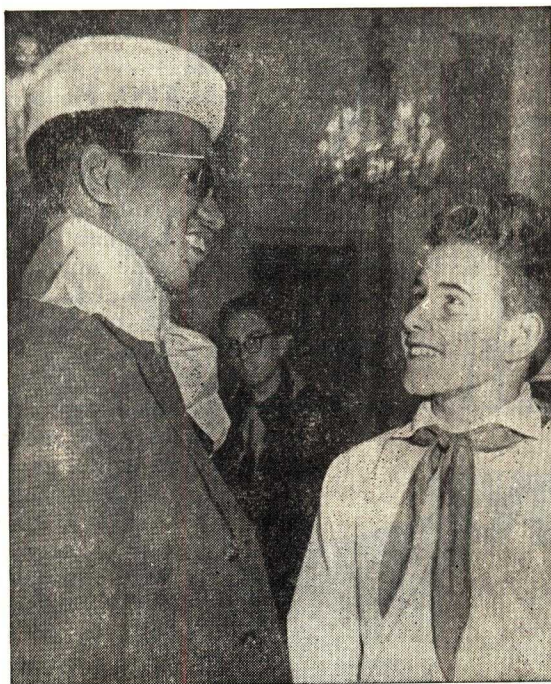
— А вот исключили человека, он и исправился...

— Через неделю, да?»

ОДНОЛЕТКА...

«Это дзержинцы недавно такой лозунг выдвинули: «Двухлетку в один год!» Их в штабе на смех подняли, а они обиделись:

— Рабочим можно «Семь в пять», а нам нельзя?!



маются пионерской работой от души...»

Жюскль фон де л'ам — до глубины души — так это звучит по-французски.

Когда стемнело, запели. Петя Шумейко пел любимую артековскую, вот эту:

«С какого, парень, года, с какого парохода, и на каких морях ты побывал, моряк?..»

Недаром гвинейцы прожили в Артеке четыре дня: подхватили! А потом гости встали и запели гимн пионеров Гвинеи.

Мы — гвинейцы, мы выбрали независимость, проголосовав 28 сентября НЕТ иностранному господству!

Свободные и гордые, мы стоим под своим знаменем,

— Вот чудaki! Вы что, не знаете, когда сорокалетие будет?
— Конечно знаем: через два года.
— Через ДВА! Потому и двухлетка, ясно?»

ПРИШЛИ ОДНАЖДЫ В ДРУЖИНУ...

«— А как у вас актив выбрали? — Ну, как... Учитель сказал: «Давайте выберем Иванову, Сухо-тина и Панину». Ну, и выбрали. Иванову не хотели, задается она...
— Плохой у вас коллектив.

— ?...
— Конечно, плохой. В хорошем коллективе по указке никого не выберут».

СПЛОШНЫЕ НУЛИ

«Нет, вы сами подумайте, можно так вести учет соревнования? Вымоют пол пионеры — 100 очков. В кино сходят — 100 очков. Не учет, а сплошные нули!

— Так мы свердловцам и сказали».

ИМ УЖЕ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

Дату рождения штаба — 28 марта 1957 года — отмечают каждый год. К празднику все готовится заранее и в тайне друг от друга. В назначенный час являются во Дворец пионеров. Кто несет пироги, кто — печенье, кто торт, а на столе ждет чай. В штабе шестьдесят человек. Представляете, какой пир!

Кроме угощения, каждый должен подготовить еще один сурприз — для праздничного концерта. В прошлом году Юра Нестеров под бурные аплодисменты читал шуточную лекцию, Никита Закорин декламировал свои стихи, а группа юмористов выпустила веселый фотомонтаж «Знакомые все лица».

КРОМЕ ГРОМКИХ НАЗВАНИЙ...

Говорят, что штаб — орган самоуправления, школа актива и тому подобное. Все это верно, но кроме громких названий, есть еще одно: штаб — это дружные ребята, всегда готовые прийти на помощь товарищу, поддержать его в трудную минуту и порадоваться вместе с ним.



Женя Баки-Бородов



Марина Марголина



Петя Шумейко



Никита Закорин

ЗНАКОМЬТЕСЬ — ШТАБ

Женя Баки-Бородов

Когда начальник Городского штаба Женя Баки-Бородов командует сводным пионерским отрядом: «К выносу знамени, смирно!», когда мимо него, лихо отбивая палочками дробь, шагают барабанщики, в эту минуту... Кто знает, может быть, в эту минуту он дорого дал бы, чтоб оказаться на их месте. Ведь когда-то Женя мечтал стать хорошим барабанщиком.

На пионерском слете барабанщику Баки-Бородову не повезло: даже третьего места не занял. Это было большое горе. Правда, на соревнованиях по плаванию Женя отквитал свою неудачу, и все-таки...

Говорят, он любит Маяковского и пишет стихи. А читать их наот-

А четвертые:
— Хорошая — и все.

Петя Шумейко

Как Шумейко,
спеть сумей-ка!
Как Шумейко,
спать сумей-ка!
Два таланта эти
совместились в Пете.

Никита Закорин

Трепещите, неряхи!
Идет дежурный командир Никита Закорин. Слышите, из палатки доносится его звонкий голос: «Почему песок на койках? А хлеб под подушкой у кого?»

Юра Нестеров

«Процессы питания имеют два момента: положительный и отрицательный. Положительный момент состоит в ощущении вкусовых до-



Юра Нестеров



Сергей Сохранский

рез отказался. Мы не настаивали. Тайна — значит, тайна.

Марина Марголина

Марина Марголина — председатель совета лучшей дружины города. Ее очень уважают ребята. Мы спросили:

— За что?

Одни ответили:

— Марина веселая.

Другие сказали:

— Она смелая.

Третьи:

— Настойчивая.

стоинств данного поглощаемого продукта. Отрицательный — в осознании того факта, что этот продукт рано или поздно иссякнет...

Вопрос: Что вы можете сказать о процессе питания членов штаба?

Ответ: Члены штаба — люди занятые. По четвергам вообще не питаются — заседают...

Из лекции «О периодизации процессов питания», прочитанной магистром пищевых наук

„ПЕРЧИК“

Газета лагеря
пионерского актива
в Красном Селе



Загадочная картинка

Разрешите спор: где урок, где сбор?



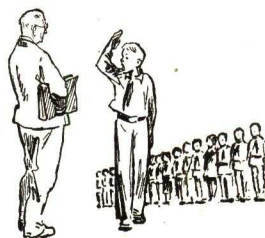
Лишь бы не меня!
— Давай скорее Мишку выдвинем,
а то еще нас выберут...

**Из актива, гоните, ребята,
демагога и бюрократа!**

Активист-рекордсмен



Активист-аристократ
— У нас в лагере серые ребята.
С ними ничего хорошего не сделаешь.



И такое бывает...
— Товарищ завуч! Можно начать
пионерский сбор?



Володя Туркин

Юрой Нестеровым на
дне рождения штаба
28 марта 1959 года.

Сергей Сохранский

Бывает, что-нибудь не
клеится, настроение



Галя Флотская

плохое и совсем не до
смеха. Тогда Сережка с
самым серьезным ви-
дом отколет такое, что
хоть стой, хоть падай!
Сережка — ярый фут-
болист. Об этом мы уз-



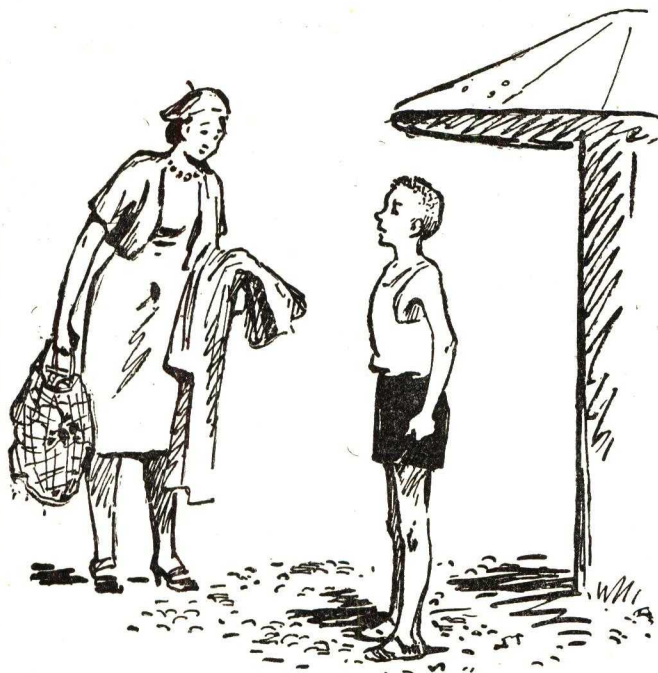
Саша Критский

нали случайно. Приеха-
ли как-то летом в Зеле-
ногорск, к Сергею на
дачу. Идем мимо ста-
диона, видим, ребята
играют. Спрашиваем:



Саша Фабрициус

— Кто это по полю
в очках бежит?
— Эх, вы, не знае-
те, — отвечаю: нам. —
Это же лучший защит-
ник города Зеленогор-
ска Сергей Сохранский!



Родительский день в лагере.
— Мама, подожди, пожалуйста,
часок. Я на посту...

ЛАГЕРЬ — ЭТО ДА!

Зина Филиппова: — Здесь я хорошо поняла, что значит пионерская дружба.

Витя Зобнин: — Постараюсь сделать так, чтобы жизнь в нашем отряде была такой же веселой и интересной, как в лагере актива.

Люда Никифорова: — Главное, что нас многому научили: как вести соревнование в отряде, в дружине, как составлять план работы и провести беседу с октябрятами и младшими пионерами.

Володя Бондарев: — Все хорошее и полезное передам своей дружине.

Володя Туркин

Володя Туркин — боевой командир отряда дзержинцев в лагере актива, а в городе — председатель совета дружины. В его дружине жизнь кипит: интерес-

Галя Флотская

В понедельник у нее соревнования по легкой атлетике. Потом радиокружок. Потом кружок бального танца.

Во вторник — снова соревнования. В среду —

Уф-ф, кажется, свободна... Уроков — горю!

Саша Критский

Летом, во время военной игры, Саша Критский был командиром роты. Его «солдаты» отличились: поймали «шпиона», который хотел спустить флаг лагеря.

Саша Фабрициус

Было это так. Открылся занавес, и на возвышении все увидели Сашу Фабрициуса, который стоял, гордо подбоченясь, с поварешкой на ремне. Он изображал памятник самому себе — отличному походному повару.

Саша должен был немало постоять и слезть с пьедестала. Но он замешкался и упустил время. Начался другой номер: рассказ «Орленок».

Саша стоит, не шелохнется. Зрители глядят и не понимают, что к чему. В конце концов «памятник» не выдержал и в самом волнующем месте рассказа... ожил.

Люда Соболева

Слыхали песню?

Бывают трудности и огорчения, но мы не любим унывать. Не придаем беде значения, у нас есть лозунг: НЕ ПИЩАТЫ!

Это о таких, как Люда Соболева, что из Московского района. Люда уже вступила в комсомол, но мы даже не представляем, что она когда-нибудь расстанется со штабом.

Андрей Смирнов

Эх, если бы вы знали, как здорово Андрюшка танцует финскую польку! Он занял второе место в городе по бальному танцу.

Впрочем, Андрей Смирнов ни в чем не отстает: ни в учебе, ни в спорте, ни в работе.

И все-таки, если вы не видели, как Андрюшка танцует, считайте, что вы его еще не знаете! Талант!



Люда Соболева



Андрей Смирнов

ные сборы, встречи, интернациональный клуб...

Недавно провожали Володю в Артек. Прямо со штаба. Кричали хором: «До свиданья». И хлопали в ладоши.

практика на заводе. В четверг — сбор городского штаба. В пятницу — районный штаб. В субботу открытие клуба старшекласников.

Ну, а воскресенье?

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ МАЯКОВСКОГО

По истории советской поэзии

Иногда, чтобы понять то, что произошло совсем близко, надо ехать за тысячи километров...

Но начну по порядку. В столице горной республики Таджикистан я познакомился с поэтом Мирсаидом Миршакаровым. Таджикские ребята хорошо знают его стихи. Например, о детях, едущих на Олимпиаду в Москву:

Мы в вагоне
едem вместе.
Над вагоном
вывают песни.
Знаем, знаем,
что близка
Долгожданная
Москва!

Мы разговорились с Мирсаидом, и я спросил, как он стал поэтом?

Мирсаид рассказал. Стихи, вернее песни, он начал слагать еще в ран-

нем детстве. Случилось так, что в 1929 году его послали в Москву, на Первый пионерский слет. Многие поразило мальчика: огромные дома и машины вокруг, тысячи людей на улице и стадионе... И тогда запомнилась фигура человека, который, стоя у микрофона, читал свои стихи. Этот человек казался гигантом, а голос его — подобным грому в родных горах.

Мальчик из памирского кишлака не очень хорошо знал русский язык. Но главное понял: перед ребятами выступал поэт. И Мирсаид, слагавший до тех пор маленькие песенки и четверостишия — рубайи (вроде наших частушек), решил работать, учиться, чтобы стать таким певцом, как человек на трибуне.

Так от таджикского поэта Миршакарова я узнал, какое впечатление произвели на слушателей известные стихи Маяковского «Песня-молния».

Маяковский написал для детей несколько стихотворений: «Тучкины штучки», «Что ни стравица, — то слон, то львица», «Конь-огонь», «Возьмем винтовки новые», «Кем быть?» и другие. Вы их, конечно, знаете...

Он дружил с ребятами, был частым гостем пионерских лагерей, участвовал в пионерских субботниках, концертах, помогал юным поэтам.

И, конечно, Маяковский не мог не прийти на слет, хотя только что возвратился в Москву из длительной поездки. Дома ждали неотложные дела, корректуры книг, письма из разных городов. Надо было готовиться к выступлениям и дискуссиям. Но уже на следующий день Маяковский побывал в пионерских лагерях на Ходынском поле. Пришел в редакцию «Пионерской правды». Отдал в газету стихи, которые и были напечатаны в ней в день закрытия слета. Тогда они назывались «Вперед», и лишь позднее

Маяковский назвал их «Песня-молния».

Работая над этим стихотворением, Маяковский хотел создать пионерскую песню, не просто рассказ о следе, а рассказ о жизни и труде пионеров, об их мечтах, чтобы яркие, неожиданные и в то же время простые образы запомнились бы сразу:

Веди
светло и прямо
к работе
и к боям,
моя
большая мама —
республика моя.

В тот же день Маяковский пошел на стадион «Динамо», где происходил слет.

Очевидец происходящего — поэт Я. Хелемский, тогда пионер, вспоминает: «Вдруг по рядам прокатился шепот: «Смотрите, вон Маяковский!» Вверх по лестнице, перешагивая через еще не занятые скамьи, поднимался могучего сложения человек с крупной лепкой лица. В углу рта дымилась папироса. Летний костюм, чуть примятый, ладно облегал его сильное тело. Иногда он останавливался, оборачивался и оглядывал глубокую чашу «Динамо». С ним были еще какие-то люди, все ниже его на голову. Он что-то говорил и взмахом руки как бы обнимал громаду стадиона. Мы не слышали его слов. Но жест его был понятен. Должно быть, он восторгался размахом происходящего. Его радовала громада стадиона, многочисленная аудитория. Он жадно вбирал в себя все».

Друг Маяковского В. Катанян пришел на стадион вместе с поэтом. Он рассказывает, что Маяковский сам «вызвался читать с трибуны пионерские стихи, и голос его гремел в десятках рупоров. И когда он вышел из тесной радиобудки, он сказал:

— Написать замечательную поэму, прочесть ее здесь, — и потом можно умереть...»

Тысячи детей слушали каждое слово Маяковского. Для одних выступление лучшего, крупнейшего советского поэта было толчком к творчеству, к исканиям, для других — просто большим интересным событием. Но те и другие запомнили его на всю жизнь.

Дм. Молдавский.



На фото: В. Маяковский выступает перед пионерами.

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ

Владимир Маяковский

За море синеволное,
за сто земель
и вод
разлейся, песня-
молния,
про пионерский слет.
Идите,
слов не троя,
на красный
наш костер!
Сюда,
миллионы братьев!
Сюда,
миллион сестер!
Китайские акулы,
Умерьте
вашу прыть, —
мы
с китайчонком-кули
пойдем
акулу крыть.
Веди
светло и прямо
к работе
и к боям,
моя
большая мама —
республика моя.
Растем от года к году мы,
смотри,
земля-старик, —
садами
и заводами
сменили пустыри.
Везде
родные наши,
куда не бросишь глаз.
У нас большой папаша —
стальной рабочий класс.
Иди
учиться рядышком,
безграмотная старь.
Пора,
товарищ бабушка,
садиться за букварь.
Вперед,
отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
один вожатый —
товарищ ВКП.

1929 г.



Два беглеца

Г. Князев

Рисунки Р. Фридмана

— Где его поймали?

— Как всегда, когда он попадает в черте Ленинграда, — возле Московского вокзала.

— Когда это произошло?

— В половине первого ночи. Доставлен в пятое отделение милиции. Фамилию дежурному, конечно, наврал...

Здесь, на другом конце провода, я слышу, как сообщаящий мне все это лейтенант милиции Хлопушин тяжело вздыхает.

Вздыхаю и я. За год знакомства и таких вот частых телефонных переговоров мы привыкли быть откровенными друг с другом. Нам до чертиков надоела история, над которой бьемся весь этот год. Правда, в одном мы еще робеем признаться друг другу: в том, что терпим поражение.

* * *

Начало этой истории вот какое. Ученик 5 «б» класса 7-й школы пионер Владимир Иванов совершил уже три побега — из дома и из школы. Один раз его обнаружили на Волховстрое. Второй раз убежал куда-то под Мгу.

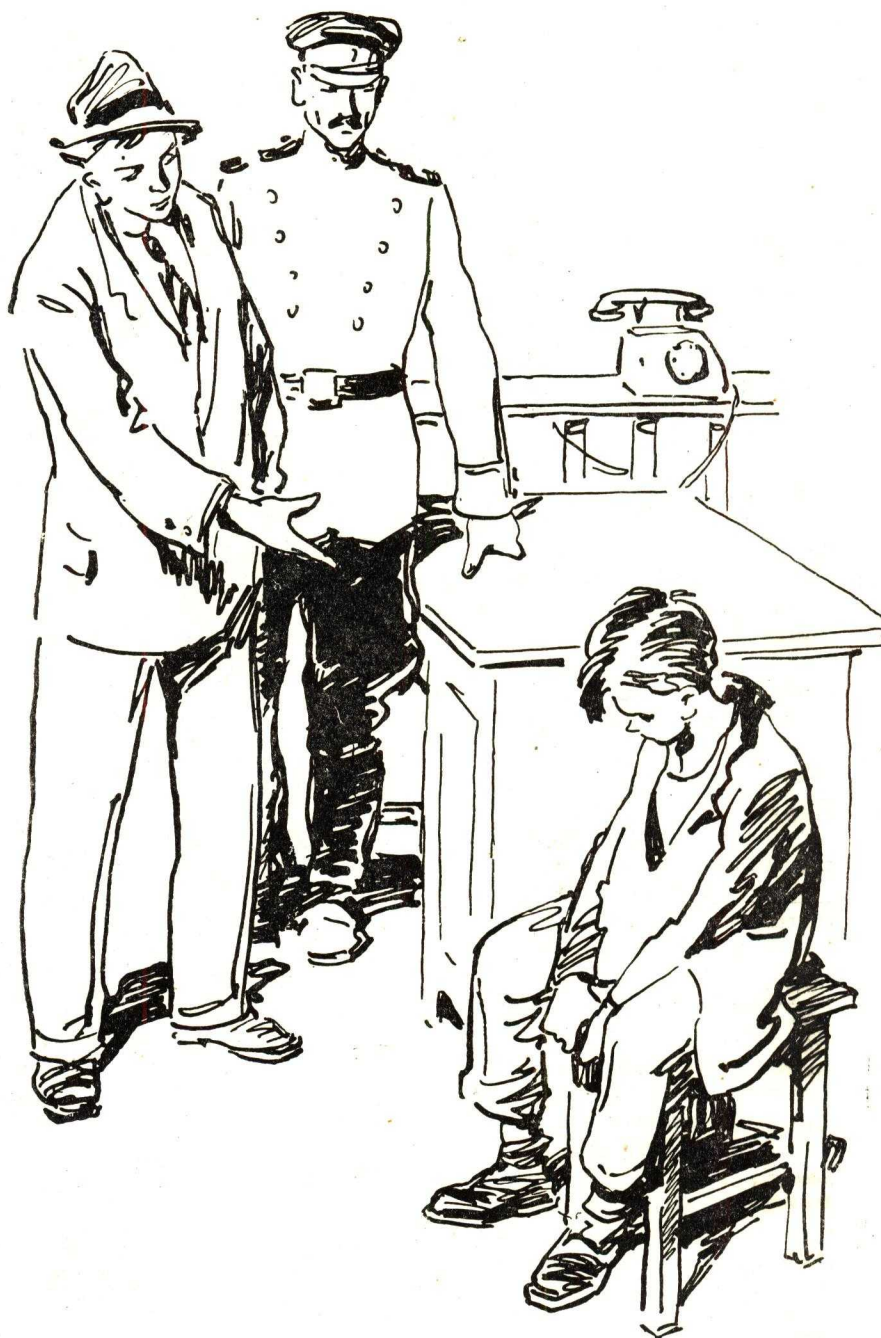
Когда мы пытались разобраться в причинах Вовкиных побегов, то получалось вот что:

— В первый раз я из-за дополнительного занятия удрал. Не пошел на дополнительное

занятие по физике, ну и боялся, что к директору вызовут. Второй раз — из-за сапог...

— Из-за сапог?

— Ага. С дыркой. Я, когда первый раз бежал, у соседа по квартире сапоги взял, в дорогу. На время, значит. Ну, вернулся, и обнаружилась дырка. Сосед говорит: «Чини!» А я говорю: «Больно охота, это вы сами про-



носили!» Он свое, а я — свое. Ну, я обиделся и опять убежал.

Кажется, все просто и ясно! Но при следующих наших встречах Вовка изобретал все новые и новые подробности. Однажды у него вырвалось:

— В третий-то раз... Я никуда из Ленинграда не уезжал. Просто в подвале прятался...

— Один?

— Не...

Компаньонов же по этим «пряткам» называть отказался. У меня невольно мелькнула мысль: не спутался ли с дурными людьми, с какой-нибудь шайкой? На всякий случай я позвонил Хлопушину.

— Чепуха, — успокоил меня лейтенант. — Рисует, фантазирует. Ни с кем он не связан, разгадка не в этом. Но проверю еще раз.

* * *

За несколько дней до последнего Вовкиного побега раздался в редакции звонок. У телефона Таня — председатель совета отряда 5-го «б», где учился Владимир.

— Знаете, Иванова выбрали начальником штаба «Красных следопытов!» Здорово?

Начальником штаба! Еще бы не здорово! Надо, надо втянуть «беглеца» в пионерскую работу. Но не многовато ли сразу для Вовки? Так и говорю Тане. Она в ответ — неуверенно:

— Не знаю... Но ребята же голосовали за него все...

...Пятое отделение милиции — то самое, с разговора о котором я начал эти записки. В углу за перегородкой «дежурки» примостилась на стуле фигура — грязная, обтрепанная, с зарванной и чумазой физиономией, совсем беспризорник 20-х годов... Это он — начальник штаба...

Мы молча смотрим друг на друга. Мы оба знаем, что обязаны сейчас сделать. Из глубин своего драного одеяния Вовка достает открытку с редакционным грифом — следопытский «документ», утаенный от милиционера. Беру открытку, прячу ее в карман. Это сдача полномочий «начальника штаба». Усатый сержант изумленно воззрился на нас.

...В нашей редакционной комнате восседают пионер Иванов — ужасно важный и Таня Молчанова — ужасно расстроенная. Таня сощуривает пол, Вовка — Таню. Попутно мальчишка докладывает:

— Вот не выбрали ее председателем совета отряда снова — и она переживает! Я, чтобы слезы не лила, к вам ее привез.

Вовка, наш легкий на слезы и вранье, на сумасбродные поступки Вовка, оказался в чем-то славным, хорошим человеком!

* * *

Встречаюсь еще раз с Хлопушиным. Лейтенант уверенно сообщает:

— Все проверено точно. У нашего подопечного никаких опасных связей нет. Действует сам по себе.

Мы довольны оба. Если Вовка удирает в одиночку и не из страха перед кем-то и не по чьему-то наущению — значит, все куда легче и проще. Мы и раньше не отказывались от мысли, что он пустой фантазер. Начитался книг о путешествиях — вот и бегаёт, подобно чеховским «мальчишкам». Те собирались погаться в Америку, этот — ближе — во Мгу.

На радостях, что все наши прежние страхи миновали, решаем позвонить матери Владимира Анне Павловне Ивановой на завод «Электроаппарат», успокоить ее. Хлопушин набирает заводской номер. Потом я вижу, как меняется его лицо.

Анну Павловну вызвали с работы. Наш милый «чеховский мальчик» опять скрылся в неизвестном направлении. Это уже в четвертый, кажется, раз?

И вот Владимир Иванов снова сидит у меня в редакции. Кстати, сейчас он совсем не похож на давешнего беспризорника: из «походного» своего одеяния переоделся в чинную пионерскую форму: галстук отутюжен, брючки — в острую складку. Аккуратный ершик каштановых волос, широко распахнутые серые глаза, добродушнейшая улыбка. Но я зол и сердито спрашиваю:

— Почему опять удрал? Снова из-за дырки в сапогах или дополнительных занятий?

И тут отвечает Вовка недвусмысленно прямо:

— В журнале, в «Искорке» читал: там один рабочий рассказывает, как он в детстве тоже из школы убежал. Да не на день — два, а на всю жизнь! И не вернулся ни домой, ни в школу. А сейчас вон — большой человек!

Еще немного, и я, наверное, свалился бы со стула. Вот так стечение обстоятельств! Литературную запись рассказа в «Искорке», на который ссылался Вовка, довелось в свое время делать именно мне! И впрямь, одним из эпизодов удивительной биографии Владимира Якумовича Карасева, большевика-кировца, участника штурма Зимнего, был побег из школы и из дому — на всю жизнь и без возврата. Неужели, готовя к печати этот рассказ, я сам как-то поспособствовал Вовкиным грядущим «подвигам»? Выход оставался один — единственный и неизбежный. Кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, известный всей стране рабочий-

новатор Кировского завода Владимир Якумович Карасев в ответ на мой звонок согласился принять нас с Вовкой у себя дома.

* * *

И вот они сидят дома, за столом — два «беглеца» из разных времен, разделенных почти полувеком.

— Так-так, — говорит Владимир Якумович. — Значит, бегаешь, тезка?

Негромкий тенорок Карасева поначалу

крайне добродушен, и это усыпляет Вовкину бдительность. Гость не без радостной гордости соглашается:

— Ага, бегаю!

— Коленки болят?

Вовка шутку любит. Эту же не понимает. Деликатно молчит, ожидая разъяснений.

— Ой, — говорит Владимир Якумович, словно бы спохватившись, — я ведь совсем позабыл, что нынче в школе-то на горох не ставят!

Хозяин умолкает. Вовка было уже засмеялся, но спохватывается: глаза у Карасева уже не веселые.

— А меня, понимаешь, ставили. Голыми коленками да на этот самый горох. И еще линейкой лупили по рукам.

Чтобы как-то посочувствовать хозяину, Вовка замечает:

— Это при капитализме так было. Тогда детей очень угнетали.

Карасев говорит громче и строже:

— Детей, говоришь, угнетали? Верно. Только всяких ли детей? У меня отец был простой человек. В гимназию, где учились сыновья «благородных» родителей, отдать меня не смог — не по карману — и пришлось мне топтать в церковно-приходскую школу. Вот там-то за малейшую провинность — горох, линейка и другие прелести... Был у нас поп, преподавал «закон божий». Помню, подойдет, бывало, к парте, ухватит прядку волос у тебя на голове и начинает на палец накручивать. В глазах мутилось от такой забавы... Ну, я однажды не стерпел, ткнул попу — мы его Водолазом звали — в живот игрушечный пистолет «монтекристо». Водолаз взревел со страху, а я к окну, — и со второго этажа прыг... Ног, к счастью, не поломал. Примчался на станцию, там стоял казачий эшелон, залез я в вагон с сеном. Ну, и завезли меня казаки прямо к Балтийскому морю. Там я к одному матросу в воспитанники попал... В общем, ты читал мой рассказ в журнале, знаешь, что дальше было.

— А ты? — продолжал Владимир Якумович, наконец, с откровенным гневом. — Тебя хоть раз пальцем тронула твоя учительница?



Указкой разок огрела вдоль спины? Я из царской школы бежал! Там перекрестились три раза и плюнули мне вслед: туда, мол, голь, тебе и дорога! А над тобой, смотри, сколько народу трясется: «Вовочка, родненький, ненаглядный, — учись, пожалуйста, сиди на месте! Ну, очень тебя просим!» — И после этого тебе на самого себя смотреть не противно?!

— Честное слово, — губы у Вовки вздрагивали, — не буду больше... Бегать не буду...

Карасев уже перевел разговор на другое. Показал новую фрезу собственной конструкции. И спросил: «Постой-постой — кем стать-то мечтаешь, когда вырастешь?»

И Вовка смело бабахнул:

— Рабочим!

Я не знаю, в ту ли самую минуту пришло к нему это решение — раньше мечтал он стать шофером. Но Карасев уже «ковал железо»:

— Значит, заключим такой договор: кончишь восьмилетку без выкрутас и как следует, — возьму тебя к себе в ученики, в бригаду! Подходит такое?

Когда мы вышли на улицу, пурга уже стихла. В морозном небе горели дружные звезды. Вовка зашагал к станции метро, руки засунув в карманы, ступая широко, чуть вперевалячку, как шагают молодые рабочие с «Электроаппарата». Как возвращаются домой и токари с Кировского завода.

* * *

Через полмесяца после разговора с Владимиром Якумовичем Вовка убежал снова.

Новое исчезновение пионера Владимира Иванова помогло, наконец, отыскать ключ к ларцу, в котором притаилась истинная причина его «подвигов».

К этому времени делом пионера Иванова занимались уже многие. А отряд?

Все эти полмесяца пионер Владимир Иванов напролом рвался к возникшей перед ним цели. Он учил уроки. Он делал в те дни множество других добрых дел. Раз в неделю созванивался по телефону с Владимиром Якумовичем, докладывал об отметках.

А отряд 5-го «б»? Как он помог Вовке?

В те дни мне не раз доводилось бывать в седьмой школе. Однажды встретил Таню Молчанову. Спрашиваю:

— Ну, как Иванов?

— Ничего, — ответила она неопределенно.

Никто из других ребят не заметил, что с их товарищем происходит нечто хорошее, важное. Эко диво — пришел, наконец, на занятия в галстук! Подумаешь, событие — перестал прятать в парте посторонние книжки! Не гла-

зеет в окно, нет-нет да и потянет руку вверх вместе со всеми, чему тут удивляться, что замечать?

Товарищи по отряду не замечали в пионере Иванове перемены. Он был окрылен своей целью. Раньше он куралесил в одиночку, сейчас он в одиночку приходил в себя. И, возможно, ему бы удалось совершить это нелегкое усилие, если бы не стряслась беда.

Вовку обвинили в краже.

В школе буфетчица попросила ребят перетаскать ящик с пирожными. Когда работа была закончена, исчезло одно пирожное. Буфетчица ткнула пальцем в первого попавшегося — им оказался Вовка.

— Ты, наверно, украл! Верни или уплати.

Он не крал этого пирожного. В те дни радостных перемен он не способен был на дурной поступок.

Он беспомощно озирался вокруг, пока кричала на него буфетчица. Где же были товарищи по отряду? Сказал ли кто-нибудь хоть слово в защиту пионера Владимира Иванова? А ведь не в его характере быть мелким ворешкой. Но никто из отряда не захотел разобратся в этой истории. Возможно, даже подумали: Иванов — беглец, нередкий двоечник, пустой выдумщик, значит, и вор.

Никто не сказал этого Вовке в лицо. Но он, конечно, сам догадался.

И тогда поступил так, как только и мог поступить. Дома достал из укромного уголка «походное» драное пальтецо, напялил его и — к выходу...

Он долго крутился во дворах вблизи Московского вокзала. В сумерках пробрался на перрон. Он стоял возле вагонов и не мог сделать дальше ни шагу. Поезд тронулся — Вовка стоял. Уходили и другие поезда, а он не мог уехать. Может, вспоминался разговор с Карасевым?

Так и остался Вовка стоять на перроне. Потом вышел на улицу. Забрался в какой-то подвал и пролежал там всю ночь...

Утром вернулся домой. Сам, без вмешательства милиции. Подошел к плачущей матери, обнял ее и сказал тихо: — Устал я, мама...

* * *

Мы, взрослые, и раньше понимали, что Вовка одинок, но о том, с какой сокрушительной силой давит его одиночество, — догадались впервые.

У Вовки не было верного друга. Конечно, и он сам был виноват в этом. Товарищ с неба не сваливается, будешь хорошим, правильным, — найдутся десятки друзей.

Но никто из отряда 5-го «б» класса не помог Вовке Иванову. Правда, Юра Вербицкий сделал попытку — но какую робкую, как быстро устал он от совместных занятий с «трудным» своим подшефным! Вдобавок мама Юры поставила обязательное условие: дружить с Ивановым только в классе, не приглашать его домой. И Юрий безропотно смирился с запрещением.

Да, ребята из 5-го «б» класса выбрали Владимира начальником «следопытского» штаба. Доверие, видите ли, оказали! Но так вот легко и просто возведя «беглеца» в большое начальство, сами же не стали его слушаться. Это ли воспитание?

Отряд чистил пионера Иванова на своих собраниях по заслугам и преобольно. Но вот с приступом аппендицита Вовка попал в больницу. Взрослые навестили его, товарищи — ни разу. Получи он тогда хоть маленькую записочку из 5-го «б», он, вероятно, хранил бы ее так же самозабвенно, как когда-то уберег от милиционера следопытский «документ».

А история с пирожным? Разве она делает честь отряду?

Тайна сумасбродных поступков пионера Иванова была в руках отряда. Приложи товарищи побольше искренних усилий — и не довелось бы нам, взрослым, претерпеть столько неудач и огорчений.

Но отряд не приложил таких усилий, и это не делает ему чести. Потому что в высоком и гордом понятии «честь пионерского отряда» есть и такая важная его сторона — забота о судьбе товарища.

Читатели могут заинтересоваться и спросить, что случилось с Вовкой дальше.

* * *

...Владимира Иванова перевели из школы в интернат № 1, где воспитываются такие же «трудные» ребята.

Попал Володя в новый пионерский отряд, и его выбрали звеньевым. Поручили дело важное и по силам. И он оправдал доверие новых товарищей.

Был такой случай. Володе пришлось шефствовать над неисправным «бегуном» Стасиком Глущенко. И вот, когда Стасик в очередной раз скрылся из интерната, за ним последовал Вовка Иванов. Не удивляйтесь. На этот раз он восседал в вагоне поезда на законном основании: с проездным билетом в кармане. Билет был взят до станции Прибыtkово — здесь жили родители Стасика. Вовка надеялся найти беглеца у них, но не нашел. Стасик ждал его в интернате. Подопечный и шеф поговорили по душам. После этого Стасик перестал «бегать», и мальчики подружились.

И не только на виду у своего отряда Вовка стал иным. Летом Вовка гостил в деревне у родственников, работал в колхозе, заработал немало трудовней и всё причитающееся ему попросил отдать родственникам.

...Прошлым летом в лагере завода «Электроаппарат» второй отряд прозвал Вовку «завхозом». Вовка ухаживал за лошадей, чинил ботинки, прохуdivшиеся в футбольных битвах, а во время лесного пожара бесстрашно тушил огонь...

В этом лагере я и увидел Вовку. Увидел и спросил:

— Ну, как — можно позвонить Владимиру Якумовичу в Ленинграде, рассказать ему о твоём житье-бытье?

— Не надо, — ответил мне Вовка. — Сам расскажу, когда время наступит.

— И про договор помнишь?

— Я его никогда не забывал.

И тут я поверил, что Вовка придет к Владимиру Якумовичу в положенный срок, придет и скажет все, что надо сказать. И два тѣзки, «беглецы» разных времен, вместе войдут в заводские ворота.

НА ЛЮБЫЕ РАССТОЯНИЯ!

Постоянный ток необходим трамваю и троллейбусу, метрополитену и железной дороге, не обойтись без него в установках связи и на электрохимических заводах.

Кольцо электро-, гидро- и теплоэлектростанций. Единая энергетическая система для всей советской страны. Высоковольтная сеть передач. Постоянный ток вместо переменного на сверхдальние расстояния... Над этими вопросами трудятся во Всесоюзном научно-исследовательском центре — Институте постоянного тока.

На территории института сконструирован опытный пролет — часть линии электропередачи постоянного тока.

Стальная опора, на которой держатся провода и изоляторы, конечно, напечнит вам те, что вы и сами видели за городом. Только эта опора значительно больше по размеру и на ней больше изоляторов. Новая установка будет применена на линии электропередачи Сталинградская ГЭС — Донбасс. Эта линия длиной около пятисот километров.

Ученые рассчитали, что снабжение городов и сел электроэнергией обойдется дешево, если посылать постоянный ток на большие расстояния и под очень высоким напряжением. Чем больше расстояние — тысяча, две, две с половиной тысячи километров, тем дешевле энергия. И чем выше напряжение, тем дешевле!

На снимке рядом с опорой вы видите исследовательскую кабину. Установка, сконструированная в институте, позволяет достичь

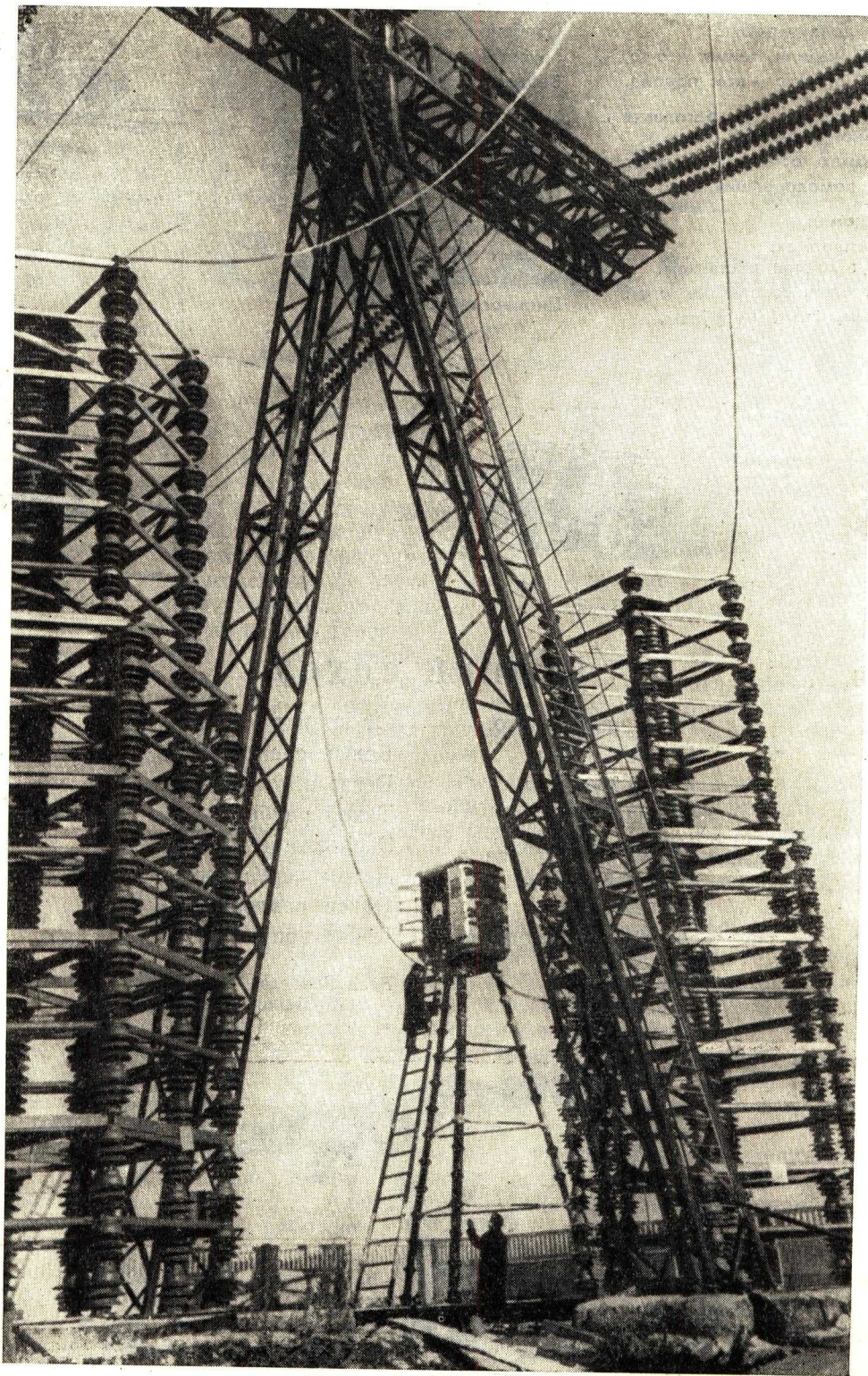
напряжения в миллион вольт. Кабина находится над землей и соединена проводом с линией высокого напряжения. В кабине работает научный сотрудник. Ведь передача тока на большие расстояния связана с трудностями: то не подойдут изоляторы, то возникает электрическая корона.

...Пошлют ток по проводам под высоким напряжением, а провода не выдерживают, начинают светиться. Это свечение на техническом языке называется короной. Через светящийся участок провода — корону — теряется энергия, и поэтому каждый киловаттчас становится дороже. Сотрудники института постоянного тока предложили установку, благодаря которой сильно снижены потери тока.

В недалеком будущем все наши ГЭС, ТЭС и самые маленькие электростанции будут связаны в единую энергетическую систему, возникнут — и уже сейчас возникают — тысячекилометровые линии передач постоянного тока. Единая высоковольтная сеть даст возможность послать любое количество дешевой энергии на сверхдальние, невиданные в мире расстояния.

На снимке Б. Уткина новая установка в миллион вольт для передачи энергии постоянным током.

**ОКНО
СЕМИ-
ЛЕТКИ**



ПИОНЕРСКИЙ ТЕПЛОВОЗ

Во дворе кипит работа,
Много дела у ребят:
Старый чайник тащит кто-то,
Трубы, примус — все подряд.

Знают все, что лом расплавят
В домне, пышущей огнем,
В формах остывать заставят
Вновь помолодевший лом.

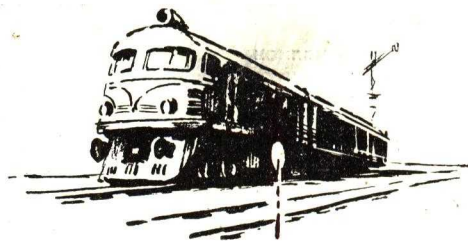
И от домен,
На платформах,
Повезут металл к станкам.
Станет сталь совсем покорной
Сильным, опытным рукам.

Выйдет в поле новый трактор,
Пробежит с гудком экспресс,
Грузовик пройдет по тракту,
Заблестят турбины ГЭС.

Наша первая двухлетка
Старт стремительный берет
Вклад в большую семилетку
Принимай от нас, народ!

Мы сейчас сложили горы
Ржавых петель и колес,
Чтобы вышел на просторы
Пионерский тепловоз.

*Таня Дворина, 6 класс,
Ленинград*



ЗИМНИЙ ПОХОД

Небо чисто-чисто.
На речке лед.
Юные туристы,
Смелей в поход!
Мороз не жалеет,
Ветер в лицо.
Эй, веселее,
Держись молодцом!

От края до края —
Белый снег.
Ветер обгоняем, —
Такой разбег!
Скользим через поле,
Летим через горы.
Какое раздолье!
Какие просторы!

*Вова Суворов, 7 класс,
Тульская область*



„УФИМСКАЯ ВЕСНА“

Если вы уже начали читать в этом номере «Костра» повесть башкирского писателя А. Бикчентаева «Дочь посла», то, наверное, заметили, с какой гордостью рассказывает героиня повести — Шаура — о своей школе. Помните?

«Школу нашу не променяю ни на какую другую, потому что мы выпускаем печатный альманах под названием «Уфимская весна»...

Что же это за альманах? И почему им так гордится Шаура? Или может быть никакого альманаха нет — его просто выдумал писатель?

Нет, оказывается, не выдумал.

Перед нами лежат книжки в тонких обложках. Самые настоящие. Точно такие, какие продаются в киосках и магазинах.

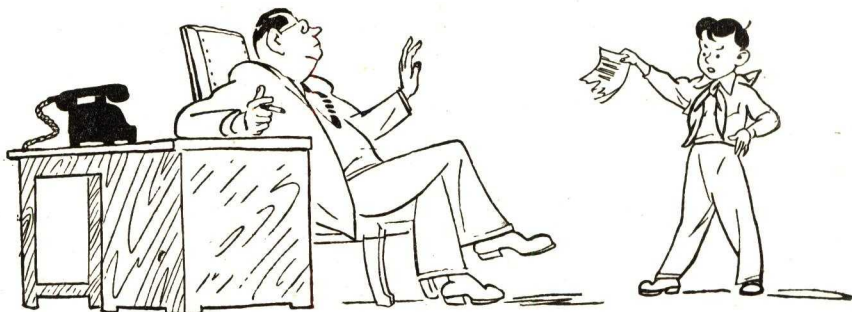
А между тем, книжки эти от первой до последней страницы сделаны руками ребят из 39-й уфимской школы.

Ребята писали рассказы. Ребята сочиняли стихи. Ребята придумывали обложку.

И набирали, и брошировали, и по-редакторски вычитывали книжку тоже сами ребята. В самой настоящей типографии.

Разве удивительно, что теперь они так гордятся своим альманахом? Ведь такого нет больше ни в одной школе.

Но главное даже не это. Главное, что ребята в 39-й школе по-настоящему любят литературу. Здесь горячо спорят о прочитанных книгах, с увлечением обсуждают стихи своих товарищей, постоянно выпускают литературную стенгазету. А к чеховскому юбилею в школе даже был проведен конкурс на лучший короткий рассказ. Конкурс прошел интересно. Впрочем, можете судить сами — рассказ Светланы Чебыкиной «Саша-следопыт», который мы печатаем, получил на конкурсе вторую премию.



САША-СЛЕДОПЫТ

Светлана Чебыкина, 8-й класс

Рисунок Б. Семенова

Однажды летом, когда я перешла в шестой класс, я ездила на Урал к своему дяде.

Дом большой, квартир много, ребята — почти в каждой. В этом доме жил Саша Иванов, ученик восьмого класса, неистощимый выдумщик, неутомимый заводила. Он и организовал во дворе отряд следопытов. То ребята ищут по особым приметам спрятанный Сашей в лесу мяч, то собирают разные коллекции. То прячутся, играют в разведчиков и партизан. И валежник подбирают, чтобы чистота в лесу была, и жуков-короедов истребляют.

Однажды ребята пришли в лес, а возле асфальтового шоссе, на самом красивом месте, у поворота, прямо на зеленой траве — огромная куча мусора. Кто-то поленился увезти на свалку — выехал за город и вывалил прямо у дороги. Возмутительное безобразие!

Леночка — самый маленький следопыт, даже всплакнула: — Вот, Саша говорит, бумажки не надо бросать. А тут... Столько мусора... Чем мы уберем, у нас же нет самосвала...

— Надо выяснить, кто? И заставим увезти обратно, — сказал Саша так решительно, что никто не усомнился, можно заставить или нельзя.

Но как разыскать виновников? Это не белый гриб найти.

— Берите палки, все равно найдем следы, — скомандовал Саша и начал ковырять кучу. — Давайте думать вслух. Вот видите, отбитая от стен известка. Значит, мусор оттуда, где ремонт делали. Верно? Что же это за люди?

Ребята стали разгребать кучу палками, ища и рассуждая:

— Перышки старые! Вот сразу три! Значит, грамотные, пишут... Кругляши бумажные. Ой, много! Это же конфетти. Праздник был у них что ли?

— Нет, это из какого-то учреждения: бумаги подшивают, делают дырки... Во-во и ленты от пишущей машинки! Футлярчик от губной помады, значит в этом учреждении женщины работают.

— Пуговица! — радостно воскликнула Леночка. — Смотрите, какая большая красивая пуговица. Редкостная-редкостная! От женского пальто. Давайте встанем у гастронома и будем осматривать всех женщин. У кого такие пуговицы, пойдем за ней и все узнаем.

— Скомканные бумажки складывайте в сторону, — распорядился Саша, — будем изучать их отдельно.

Саша принялся изучать смятые листки копировальной бумаги. Они были уже негодными к употреблению, запылились в мусоре, и, глядя сквозь них на солнце, долго ничего разобрать не удавалось. Наконец, на краях нескольких листков Саша прочитал конец одной строки «...тдел» и конец другой «завода». И растерялся.

— Это какой-то отдел нашего завода, — озадаченно проговорил он. А еще через несколько минут Саша развернул обрывок газеты, быстро спрятал его в карман, покраснел до кончиков ушей и, схватив все распорванные ребятами вещи, побежал к лесу, крикнув:

— Продолжайте! Я сейчас!

Запыхавшись, он пришел к своему отцу — начальнику жилищно-коммунального отдела завода. Быстро проскользнул в кабинет, застал его одного.

— Папа, ваш ЖКО сваливает мусор прямо возле дороги в лесу, — заявил он отцу.

Отец рассердился. Жилищно-коммунальный отдел тратит столько сил и энергии на то, чтобы вокруг заводских домов была чистота, а сын его нивесть в чем обвиняет!

— Штукатурка? Да, ремонт был. Но ремонт идет во многих домах, по всему городу, сейчас такая пора, — сказал отец.

Саша разложил на столе все, что ребята извлекли из кучи.

— Это не доказательство! — рассмеялся отец. — Ну, установили, что это из учреждения, — молодцы! Но в городе сотни учреждений!

— А это? — Саша показал обрывок газеты. Над заголовком было написано синим карандашом: «Тов. Иванову».

— Так Ивановых много! На одном нашем заводе — человек восемь, и все выписывают эту газету, — доказывал ему отец.

Но Саша не унимался:

— Большинство получают ее домой. На почте отмечают простым карандашом и номер квартиры. А тут написано: «Тов.» Так пишут секретарши в учреждениях.

— Сейчас я позову секретаршу, и ты убедишься, что наш ЖКО ни при чем, — сказал отец.

Отец вышел из кабинета, долго не возвращался, затем привел секретаршу.

— Скажите, Варвара Петровна, этому молодому человеку, что вот тут на газете писали не вы...

Варвара Петровна глянула на стол, где лежали принесенные Сашей вещи, и обрадовалась:

— Моя пуговица!.. Все магазины обошла, искала, сейчас нигде таких нет. Вот, спасибо. Я ее здесь во время ремонта потеряла, — сказала она.

...Когда через полчаса Саша подъезжал на самосвале к ожидавшим его в лесу ребятам, шофер сказал:

— Ну и отец у тебя! Такую нахлобучку мне дал! Хороший руководитель! Один раз в жизни я нарушил порядок — он сразу узнал. Вот следопыт, так следопыт...

ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Лида Белоусова, 9-й класс

Раз,
Два!
Смех.
Визг.
Летит
Корабль
По волнам.
Море
Кидает
Вверх,
Вниз,
Но это
Не страшно
Нам!

Море зеленое
За бортом.
Плыть
И одерживать
нам
Победы!
Но
Вышла
Мама
Во двор,
А потом:
«Руки мыть
И скорее
Обедать!»

Брызги
Летят
Со всех
Сторон.
Ветер
Рвет

Паруса над нами.
Но почему,
Непонятно,
Он
Пахнет травой
И еще

Цветами.
Волны зеленые
Лижут борт,
Корабль
Из плавания
Возвратился
В порт.
Но уходить
С него
Очень жалко,
Хоть это
Просто
Качалка.



КОТЯТА-ФУТБОЛИСТЫ

Борис Дальнов, 7-й класс

Рисунок В. Голявкина

Однажды я зашел к своему другу Вовке Тубареткину. Он лежал на диване и читал книжку. Месяц назад кошка Мурка родила котят, и они стали любимцами Вовки. Они оба белые, только на спине у одного черные пятна. На стуле лежали ракетка и шарик. А котята грелись у Вовки на груди и мурлыкали от удовольствия. Я взял ракетку в руки и стал играть с шариком, но я даже держать ее не умел. Шарик не попал на ракетку и ударился о пол. Что тут было! Тот, у которого на спине черные пятна, бросился на шарик, как настоящий вратарь, а другой, как отличный нападающий, головой протолкнул шарик вперед. Шарик попал на кровать. Мне это понравилось, и я стал подкидывать шарик, а котята старались поймать его. Они подпрыгивали вверх, сталкивались в воздухе и отнимали шарик друг у друга.

— Давай сделаем кошачий футбол. Покрасим одних в синий цвет, это будет команда «Строитель». Других в красный цвет. Это — «Спартак». Потом покажем ребятам, — сказал Вовка.

— Давай. Но где нам взять двадцать котят? Ведь большие не будут гоняться за шариком, — ответил я.

Мы стали думать. Мне пришла в голову одна мысль. Мы будем подбирать всех котят, которых найдем на улице, и приносить их к Вовке домой. Мы сразу же пошли на поиски. В соседнем дворе играли на солнце четыре котенка. Это были котята тети Вали. Она у нас любит котят. Каждую кошку накормит, приласкает. Еще она кормит голубей. Выйдет во двор и зовет их: «Гули, гули, гули, идите сюда. Ух, вы мои хорошие». Ну, значит, мы тех котят спрятали в мешок. Вскоре у нас было двенадцать котят. Они бегали за шариком

очень хорошо, но не пассовали друг другу. Иногда даже «вратари» уходили в нападение. А когда шарик оказывался между передними и задними ногами котенка, игра прерывалась. Котята бежали кто куда. Одни прыгали на диван, другие на подоконник, третьи начинали греться на солнышке. Это нас очень огорчало. Тетя Валя и другие хозяйки искали повсюду своих пропавших котят. Они спрашивали нас, не знаем ли мы, где их котята. Мы знали, но говорили, что нет. Однажды, когда мы проводили тренировку, к Вовкиной маме пришла тетя Валя. Она заглянула в комнату, в которой мы занимались



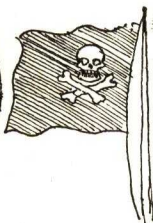
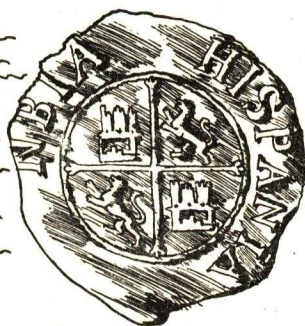
с котятами, и увидела своих котят. Она забрала их и стала кричать: «Ах, вы бессовестные! Что вы наделали! Я пойду в школу, безобразники!» На следующий день в квартиру Вовки стали приходить хозяйки, у которых пропали котята. Они забирали своих котят и стыдили нас. Скоро у нас осталось всего два котенка. Это были Вовкины. И нам пришлось расстаться с нашей затеей. Вова по-прежнему занимается теннисом, а я научился держать ракетку.

ЛИЦЕВАЯ И ОБОРОТНАЯ

**Монета рассказывает о себе.
Она сообщает свое имя, говорит о стране,
где родилась, о металле, который пошел
на чеканку.
А еще о чем?**

**Она указывает меру своей ценности. Сла-
вит искусство художников и граверов —
своих мастеров.
А еще?
Продолжай, монета!**

Греция древнейших
времен, времен «Илиады»
и «Одиссеи». В ходу
живые «монеты», с хво-
стом и с рогами. Сколь-
ко имеется быков? Две-
надцать? Можно купить
жертвенный треножник.
Ах, всего четыре? Мало-
вато. Хватит лишь на
рабыню...

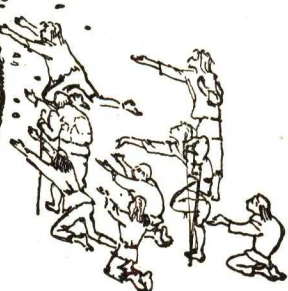


Отзвенели мечи. Развевалась пороховая гарь.
Америка, едва открытая, прокляла день и час,
когда ее открыли. И вот в сокровищницы испанской короны хлынул наконец желанный поток заокеанского серебра.

Эти песо не пахнут ничем. Неправда! Они пахнут кровью.



Так называемая «четверговая монета». Чеканилась специально, дабы его британскому величеству было чем оделять нищих в религиозный праздник — страстной четверг. Была стоимостью, самое большее, в десять пенсов. Дешево стоит королевская доброта!



Еще одна англичанка. Гинейя.

Послушайте, как она хвастается: «На мне африканский слон. Имя тоже африканское: почти «Гвинея». Я из золота колоний!»

Колонизаторы и в семнадцатом веке не стыдились своего ремесла...

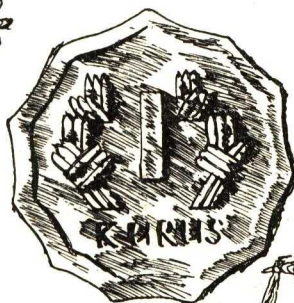


Надпись на монете называется легендой. Легенды бывают разные. Вот, например, американский пятидолларовик. Голова индейца, а сверху написано «Свобода». Не всякой легенде верь!



Двенадцать пенни составляют шиллинг, или одну двадцатую часть фунта стерлингов, в котором, по другому счету, пять двойных флоринов или восемь полукрон, каждая из каковых, в свою очередь, равна десяти трехпенсовикам, что иначе означает сто двадцать фартингов...

Для английских тружеников эта запутанная система всегда выглядела проще: сколько ни работай, богачам — всё, тебе — ничего.



Пиастр, или куруш. Современная турецкая монета.

Этот мальчик, трудясь от зари до зари, зарабатывает пятнадцать курушей — и тут же истратит их без остатка на полкило хлеба. Недаром, видно, похожи слова «куруш» и «грош».



А эти монеты ничем не примечательны. Замечательно то, что их больше нет: выброшены вон со всеми своими скипетрами, коронами и орлами. Народы Восточной Европы строят новые, социалистические государства — и хорошо помнят, какая страна показала им пример.



На одной из самых первых на свете монет выбит рисунок: богиня Справедливости держит в одной руке сокровища, а в другой — весы: каждому по заслугам! Однако прошло много веков, прежде чем справедливость победила на деле.

Тридцать семь лет назад родилась монета, на которой не было и никогда не будет ни следов крови, ни следов слез. И не богиня на ней изображена, а те, кому по праву принадлежат богатства мира.

Нынче в жизни нашего рубля большое событие: он стал вдесятеро сильнее.

Таким его сделали советские люди.

На румбе!

И. Квятковский
Рисунки Е. Парфенова

Что появилось раньше — корабль или руль? Неправда ли, на этот вопрос хочется ответить: «Одновременно!» Как же можно управлять судном без руля? И все же первые мореплаватели не имели о руле никакого понятия.

...Это было очень давно. Человек только начал ориентироваться по солнцу. Не зная, куда плыть, он не отваживался выходить в открытое море, не представлял себе ни размеров моря, ни опасностей, таящихся в морских глубинах. По рекам и речкам плыл он вдоль берега, искал себе пропитание и удобное для жилья место.

В те далекие времена человеку-мореплавателю хватало и шеста: направление движения не имело еще большого значения.

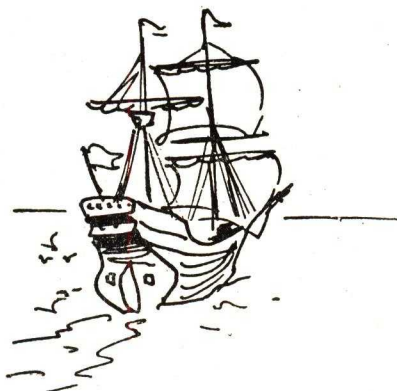
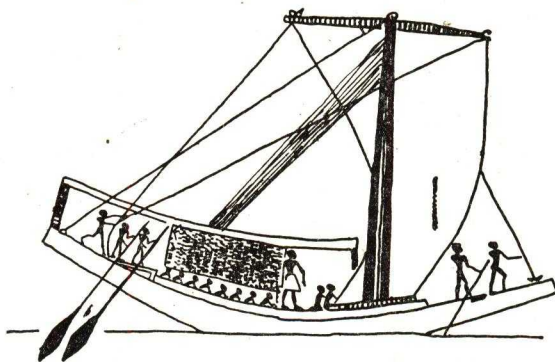
О ЧЕМ РАССКАЗАЛ КАМЕНЬ

Ученые производили раскопки в Египте. Этот рисунок они обнаружили на камне. На нем изображено древнее судно египтян. Еще задолго до нашей эры такое судно плавало по Нилу, а может быть, и у берегов Средиземного моря.

На носу судна стоит лоцман и мериет шестом глубину. В те времена одно весло, видимо, заменяло руль и было вставлено в петлю, заменяющую уключину, а второе переносили с борта на борт, чтобы точнее направлять судно.

Не раз штормы на море «подсказывали» морякам, что надо прочно закрепить весло за кормой. Наконец, закрепили — и руль готов. Потом — чтобы поворачивать руль — пришлось сделать рычаг. Моряки называли его румпелем. На шлюпках и небольших парусных яхтах румпель сохранился и в наши дни.

XVI и XVII века знамениты своими географическими открытиями. Каравеллы Колумба пересекли Атлантический океан и открыли Америку. Португальские суда обогнули Африку и нашли морской путь в Индию. У румпеля каждой каравеллы стоял рулевой...



ПО ВСЕМ МОРЯМ И ОКЕАНАМ

В неведомые страны поплыли парусники. Они уходили в море на долгие месяцы и даже годы. Успех плавания во многом зависел от рулевого.

На корме этих старинных кораблей стояло большое рулевое колесо-штурвал. С помощью блоков и тросов, говоря морским языком, —

целого устройства — рулевой теперь мог легче, чем раньше, поворачивать руль в воде. Появился штурвал — и управлять судном стало гораздо удобнее.

Ветер и волны, правда, причиняли морякам немало неприятностей. Шторм нередко срывал руль с петель. Парусник становился на волнах игрушкой и, прежде всего, конечно, терял руль. Каждый капитан изобретал свой способ замены потерянного руля...

Рулевые Колумба были неграмотны. Для них на картушке компаса рисовали фигуры зверей и птиц, цветы (лилия, например, обозначала север).

И теперь в шторм было трудно сладить с большим кораблем. Нередко пять-шесть человек едва удерживали корабль на курсе, даже если все было в порядке с устройством управления. Как и на каравеллах, рулевой правил по компасу, но картушка изменилась неузнаваемо. Вместо рисунков на ней появились румбы и градусы — тридцать два румба! Рулевому стало легче переключать руль, зато одной грамотности теперь не хватало: рулевому нужна была специальная подготовка.

Примерно в это же время у рулевого появился товарищ — «вперед смотрящий». Он следил за морем и громко сообщал обо всем замеченном. Ведь рулевой по-прежнему смотрел на заполненные ветром паруса, и они мешали ему наблюдать за морем.

ВЕК ПАРА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

На паровом судне всю нагрузку брала на себя рулевая машина — она переключала руль. Пост управления перевели с кормы на капитанский мостик. Огромное рулевое колесо заменил маленький аккуратный штурвал. И все же рулевому стало сложнее. Одно дело — управлять медленно плывущим парусником, глядя на далекую звезду, как это делали в древности, другое — современным быстроходным лайне-

ром, где курс рассчитан до десятых долей градуса.

...У тяжелого лайнера большая инерция. Кажется, совсем немного повернули руль, а нос корабля долго идет в сторону и никак не может остановиться. Рулевой сообразил и вращает штурвал обратно. Поздно. Момент упущен. Судно перешло заданное направление и, значит, так и будет «кататься» вправо и влево от нужного курса.

Есть и другие сложности в работе рулевого. Уже в прошлом столетии построили много морских благоустроенных гаваней, но войти в них было не так-то просто. Песчаные мели, скалы, покрытые зеленой тиной, стерегли подходы к порту. Чтобы войти в гавань, судно должно было следовать по скрытым водой фарватерам — проходам.

Но как же рулевой обнаружит фарватер?

Тонкие шесты с конусами из прутьев раскачиваются над водой залива. Это вехи. Они ограждают фарватер, указывают мели. Опытный глаз рулевого во время движения судна успевает разглядеть окраску вех, заметить, сколько на них конусов, куда направлены их вершины, нет ли на шестах шаров или флагов.

При входе на фарватер или там, где он меняет направление, плавают буй. Буй — целое сооружение из металла. Иногда он напоминает бочку, иногда — конус. Характерная окраска, полоса или разноцветные квадраты помогают рулевому вовремя найти буй на поверхности моря. С наступлением темноты на бую автоматически зажигается огонь. В туманную погоду над морем слышен низкий протяжный рев или звон колокола. Это буй сообщает о себе.

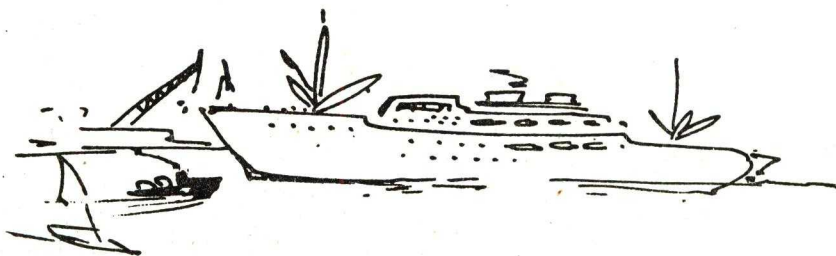
Немой совет буюв и вех понятен рулевым. Впереди по курсу видны два красных буюа. Это входные ворота. Вдали за буюами — ряды вех. Белый шест с черным конусом (основанием вниз) как бы заявляет «Оставь меня к зюйду», и рулевой беспрекословно подчиняется. Из красных вешек состоит другой ряд (конусы на нем — вершиной вниз). Его полагается оставлять к норду.

Современный теплоход, как говорят моряки, хорошо слушается руля, и в случае необходимости с помощью машины может развернуться почти на месте.

МЕХАНИЧЕСКИЙ СУФЛЕР

«Право, руля!» — командует капитан, и рулевой вращает штурвал направо. Нос большого корабля «катится» вправо.

Как же узнает рулевой о том, что руль действительно повернут вправо или стоит прямо?



Рулевому помогает «механический суфлер» — небольшой прибор, настоящее название которого аксиометр. На сколько градусов повернут руль, на столько делений отклонится стрелка аксиометра.

ТОВАРИЩ ИЛИ ЯБЕДА

Инженеры изобрели и другой прибор — курсограф. Это металлический ящик. Сквозь окошко на его крышке видна широкая бумажная лента. Эту ленту часовой механизм перематывает с валика на валик, а перо чертит на ней тонкую линию — курс судна. Если судно идет прямо — линия получится прямой. Отклонится от курса совсем немного — прибор сейчас же отметит это на ленте. Словом, как рулевой управляет кораблем, так курсограф и запишет.

Приуныли некоторые рулевые, Ябедой прибор называли, клеузником. Так ли это на самом деле?

Сменится рулевой с вахты и подробно узнает о всех своих ошибках и успехах. Бумажная лента все ему расскажет: как прошла вахта, как судно меняло курс, когда начал уставать рулевой, когда просто зазевался. Выходит, курсограф — хороший товарищ, верный помощник рулевого.

НЕ КАСАЯСЯ РУКАМИ

...На ходу за кормой судна возникает отчетливый след — кильватерная струя. Она бежит за кораблем, извиваясь и повторяя его движение. Чем точнее правит рулевой, тем прямее ложится след. Кильватерная струя — еще один свидетель работы рулевого. Древние моряки обходились совсем без руля, а на наших судах рулевой может не прикасаться к штурвалу. На современных судах есть замечательный механизм — рулевой автомат. Когда он включен, кильватерная струя растекается ровной дорожкой. Автомат не зазевается, не позволит кораблю отклониться от курса.

Рулевой стоит на капитанском мостике. Автомат послушен ему: корабль точно держит заданный курс...

«На румбел!» — отвечает рулевой, выполнив команду капитана.

В ЛЕСУ МЕСТА МНОГО

А. Ливеровский

Рисунок Ю. Васнецова

Повезло синице-пухляку. В лютую стужу и в большую пургу попал он на кормовой столик. На деревянной дощечке под высоким колпаком лежали конопля, подсолнухи, муравьиные яйца, кусочки сала...

Пухляк прилетел к столику последним и, когда наелся и поднял голову, заметил, что смеркается. Пора ночевку искать.

— Ци-ци-гей! — сказал пухляк. — Где хорошие столовые, там должны быть и хорошие квартиры.

Он взмахнул крыльями и влетел через слуховое окно на чердак. Пристать там было негде: на поперечине между стропилами, крыло к крылу, сидели воробьи.

— Подвиньтесь, пожалуйста, — пискнул пухляк.

— Чив! Занято! — проворчал старший воробей. — Лети к себе в лес, там места на всех хватит. Да поторапливайся, скоро ночь.

Вылетел пухляк в окошечко и света не взвидел. Подхватили его длинные, косматые руки пурги: мяли, крутили, к небу бросали, к земле прижимали и принесли на лесную поляну. Верхушки сосен морозной пылью курятся, понизу поземка струится, посвистывает. Пропадешь ни за грош. Надо ночевку сыскать. В лесу места много.

Неподалеку большая береза стоит, и в ней дупло. Сунулся туда пухляк, на крайчик прицепился, на всякий случай представился.

— Ци-ци-гей! Я пухляк-гаичка, можно войти?

Прямо в грудь пухляку уставился клювище, не клюв, а целое долото.

— К-и-к! Занято! Я дятел, и никому не позволю мне мешать. Лети дальше. В лесу места много.

На сосне большое лохматое гнездо. Взлетел туда пухляк.

— Ци-ци-гей! Я пухляк-гаичка, разрешите переночевать?

Как заверещит, как заголосит в гнезде белка:

Ты чего? Ты зачем? Кто звал? Уби-р-р-райся! В лесу места много.

Посинели снега. Ночь надвигается. Крепче мороз. Что делать?

«Спускаюсь-ка вниз, — решил пухляк. — Наверху все занято».

На вырубке хворост лежит, снегом, как шапкой, накрыт. Юркнул пухляк под шапку:

— Ци-ци-гей! Я пухляк-гаичка, разрешите войти?

Никто не отвечает. Хорошо под хворостом: ветра нет, снегом не присыпает, тепло, тихо. Только собрался пухляк голову под крыло сунуть, как услышал шорох. Выползла полевая мышь и пропищала:

— Ух-ходи! Ул-летай скорее. Сейчас здесь пробежала ласка, она меня не заметила, а ночью непременно вернется. Ул-летай! Спасайся! В лесу места много.

Выскочил пухляк на волю, бежит, ногами порошок приминает.

«Ци-ци-гей! Нигде места нет! Хоть в снег головой бросайся!»

— Порядочные птицы так и делают, — раздался голос где-то под ногами у пухляка. — Именно в снег, именно головой, именно бросаются. Я рябчик, у меня здесь подснежная спальня. Не ходи, пожалуйста, по моей крыше. Рой себе лунку и ложись спать. Поздно уже.

— Я не умею снег разрывать. У меня лапки зябнут.

— Ну, тогда улетай, куда знаешь. В лесу места много...

В отчаянии взлетел пухляк высоко над лесом. Подхватили его длинные, косматые руки пурги, мяли, крутили, к небу бросали, к земле прижимали и кинули в густую замшелую ель. Там, под снежным навесом, в черноте хвойных лап обнаружилась такая уютная комнатка, что пухляк, не раздумывая, не спрашивая разрешения, кинулся внутрь.

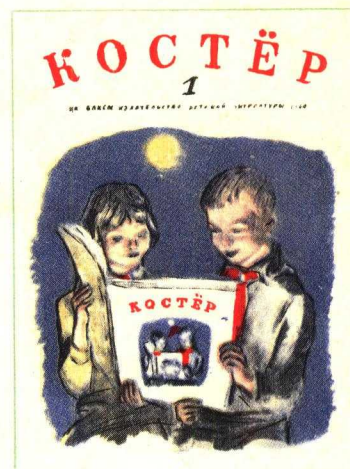
— Ци-ци-гей! Ци-ци-гей! — раздались приветливые голоса. — Мы пухляки-гаички. Садись, не толкайся. Спокойной ночи!





Мастер-ломастер

1930 г



Обложка

1936 г



Бежин луг

1959 г



Обложка

1960 г



Фронтиспис И. С. Тургенев 1959 г

Рисунки А.Ф. Пахомова

Рисунки Алексея Федоровича Пахомова вы всегда узнаете. Обычно он работает простым свиновым карандашом. Оттого его серебристо-серые рисунки не так ярки, не так декоративны, как говорят художники. Однако мы их любим и ценим больше многих других, более рядных. Чем же они нас особенно привлекают?

Возьмите книжку Л. Н. Толстого «Котенок» и найдите в ней страницу, на которой нарисованы три женщины с котятами. Они выбирают, какого котенка оставить, какого кому отдать. Я уверен, что многие из вас скажут: «А я видел этих тетенок: и ту вот, молодую, и старую!» И понятно почему: лица женщин так живы, так выразительны, что кажется, будто с ними встречался где-то.

Посмотрите внимательно на их лица. На чистом, нежном лице девушки вы увидите спокойное внимание. Она довольна своим выбором и нежно ласкает котеночка. Женщина средних лет, стоящая слева на коленях, рассматривает котенка, которого выбрала за славную мордочку и белые лапки. Он ей нравится, — это видно по ее лицу. А что еще вы можете прочесть на этом художавом лице? Эти запавшие, когда-то большие глаза, эти складки на лбу — они говорят вам, что женщина прожила не легкую жизнь, что бывали у нее и трудные дни, полные забот. Сравните-ка ее лицо с безмятежным личиком девушки на том же рисунке!

Многое можно прочесть в лицах людей на рисунках Алексея Федоровича. А руки! Они тоже говорят о многом. Недаром великий испанский художник Гойя как-то сказал, что за портрет с руками надо брать вдвое дороже. Этим он хотел показать, как трудно хорошо, верно нарисовать человеческие руки. В самом деле: руке человека доступны самые разнообразные движения. Руки могут колоть дрова — и играть на скрипке; могут копать землю — и делать самые тонкие кружева. Привычные трудовые движения изменяют форму руки: рука человека всегда носит отпечаток того



труда, которым занимается всю жизнь.

Посмотрите на руки этих трех женщин на рисунке А. Ф. Пахомова: нежные, белые руки молодой девушки, еще не натруженные тяжелой работой; грубоватая, много поработавшая рука женщины средних лет; почерневшие, в узлах и морщинах руки старухи!

Алексей Федорович хорошо знает, как выразительны руки человека, и часто их рисует, чтобы побольше рассказать о своем герое.

Художник Пахомов обладает совершенно исключительной наблюдательностью. Его знания людей глубоки и обширны. Но он не только знает людей, — он умеет, — как никто, может быть, другой, — просто и ясно рассказать нам о них много такого, чего мы сами никогда бы и не заметили.

Образ Павла Корчагина в иллюстрациях А. Ф. Пахомова к роману Н. Островского «Как закалялась сталь» так точно найден, что мы уже не можем представить себе его другим, так же, как и остальных героев этого романа.

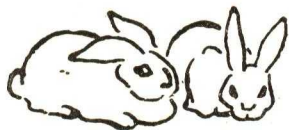
Юноша, спасший девочку в «Балладе о неизвестном герое» С. Маршака, на рисунке А. Ф. Пахомова — простой парень, такой, каких мы постоянно встречаем на улице и в трамвае.

А дети! Посмотрите рисунки А. Ф. Пахомова к Маяковскому «Что такое хорошо, что такое плохо?» или «Кем быть?». Вы увидите там наших советских ребят, которых привыкли видеть вокруг.

В страшные дни блокады Ленинграда Алексей Федорович создал ряд замечательных рисунков, в которых правдиво, с огромной силой показал не только бедствия осады, но и самоотверженный труд измученных людей, охраняющих и восстанавливающих свой родной город. Эти глубоко художественные рисунки войдут в историю Отечественной войны, как драгоценный документ.

В. Конашевич, заслуженный деятель искусств.





Боевой листок сельских пионеров

Редколлегия «Костерка»: ученики средней школы в Толмачево Ленинградской области — Нина Резвякова, Таня Аман, Лариса Короткова, Шура Чекаева, Вадим Занан, Жена Маршанова.

КАК ВИТЯ ЗАБЛУДИЛСЯ В КУКУРУЗЕ

Быль

Случилось это в деревне Заклинье Лужского района Ленинградской области.

Третьеклассник Витя прочел в районной газете рассказ о колхозе «Звезда». Рассмотрел фотографию. На ней — сплошные заросли кукурузы — выше человеческого роста.

«Не может быть, чтобы такая кукуруза росла! — подумал Витя. — А ну-ка, поеду, посмотрю».

Как только автобус остановился, Витя прыгнул на землю и побежал к кукурузному полю.

«Уй-ю-юй! — шептал Витя. — Вот это да! Как лес!»

Кукуруза стояла сплошной трехметровой стеной, и, конечно, Вите захотелось хоть немного побродить по невиданным зарослям. Осторожно раздвинув ближайшие стволы руками, Витя шагнул в кукурузный лес. Он медленно продвигался по междурядью, тараща глаза на огромные гибридные початки. «А ведь тут и наша четвертая школа поработала, — мелькнуло у него в голове, — ну и молодцы, всем скажу и в газету напишу, пусть знают!»



Гори, свети, пусть тебя увидят все, у кого руки не ленивые, глаза не сонные, красный галстук на груди не зря.

Гори, свети. Подойдут на огонек ребята, станут спрашивать, а ты отвечай.

Что такое «Костерок»?

Это боевой листок сельских ребят, юннатов-опытников.

Кто к нему подсядет?

Все, кто захочет умом поделиться, ума набраться. И ученый, и агроном, и студент, и пионер.

О чем пойдет разговор?

О том, как лучше работать на школьном участке, как лучше помогать своему колхозу, как лучше выполнять обязательства пионерской двухлетки.

А кто огонь в «Костерке» поддерживать будет?

Все ребята. Кто откликнется, тот и поддержит.

Слышите, ребята? Пишите. Звоните. Заходите.

Разгорайся, костерок! Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Побродив по зарослям, Витя устал и сел отдохнуть. Вдруг рядом с ним что-то зашуршало в чаще. Зашелестела листва, закачались стебли. Витя поднялся и с ужасом смотрел в ту сторону, где шуршало. Показалось что-то большое, черное, лохматое. Медведь!

— Ай! — закричал Витя и бросился в сторону. Запутался в стеблях, упал и заорал во весь голос от страха. Он орал все громче, а неподалеку что-то трещало и возилось в зарослях.

Потом с другой стороны послышались голоса, шаги, и прямо перед Витей появилась тетя Клава, звеньевая по кукурузе.

— Ты что кричишь, мальчик? Как ты сюда попал?

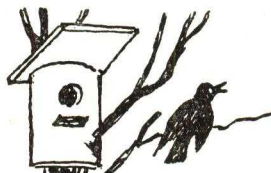
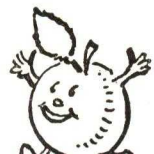
— Я гулял... А тут медведь...

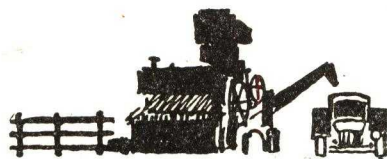
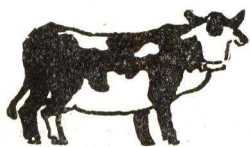
— Какой медведь? Тут и медведей-то не бывает. Где он? — спрашивает тетя Клава, поднимая и отряхивая Витю.

— Там... Такой черный...

Тетя Клава ушла в кукурузу и скоро вернулась. Она вывела на дорогу Витю, а за ним — черного колхозного теленка. Он тоже заблудился в кукурузе.

Похохотала же тетя Клава над двумя заблудившимися — теленком и Витей! Витя помолчал, помолчал и тоже стал смеяться. Не смеялся только теленок.





СЛОВО — ЕВГЕНИЮ БЕЛОУСОВУ

Я учился в школе номер два города Луги и мечтал стать моряком.

Однажды летом мы решили создать лагерь старших школьников, чтобы помочь подшефному колхозу «Звезда». Поехал в лагерь и я. И, конечно, никак не думал, что с этого лета моя жизнь пойдет по новому пути.

Мы выращивали кукурузу, пололи корнеплоды, вносили удобрения на поля, делали все, что требовалось. К концу смены все окрепли, загорели, чувствовали себя отлично.

Я кончил школу. Что-то уже не так тянуло меня к морю, как прежде. Во мне заговорила любовь к земле, к растениям. И, чтобы испытать себя, я сразу после выпускных экзаменов поехал в лагерь. Опять.

За хорошую работу я дважды был участником Выставки Достижений Народного Хозяйства, получил две медали. На выставке я увидел такие чудеса, что больше уже не сомневался, кем быть. Осенью я стал студентом первого курса Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Учиться в нашей академии — замечательно. Мы проходили практику на всех сельскохозяйственных орудиях и машинах, от лопаты до трактора и комбайна. Я получил права шофера-любителя и аттестат тракториста.

Летом 1958 года вместе с товарищами я добровольно уехал на уборку целинного урожая. Работал на тракторе и комбайне. Наш агрегат выполнил больше двух государственных норм.

Я очень люблю свою специальность. Я люблю в ней то, что она крепко связывает меня с родной природой. А ведь как любили природу великие люди нашей страны! Как любил природу Владимир Ильич Ленин, как восторгался ее красотой Пушкин, как писал ее Левитан! Я хочу, ребята, чтобы вы всей душой полюбили свою землю, чтобы своим трудом вы украшали ее, берегли, делали лучше.



ЮНЫМ КУКУРУЗОВОДАМ

Советы агронома

Всем хочется получить в этом году хороший урожай зеленой массы кукурузы. Такой, как у ребят Рапотской школы Ленинградской области — 800 с лишним центнеров с гектара.

А если хочется — принаймайтесь за дело.

Прежде всего надо составить план работ. Прикинуть, сколько кукурузы можно вырастить и где именно. Что потребуется делать весной, летом, осенью.

Рассчитайте, не откладывая, сколько вам понадобится семян, какого сорта. Где и когда их получить, откуда выписать. Определите, какие нужны удобрения, не забудьте про инвентарь. Обсудите, что вы можете сделать своими силами, а в чем попросите помощи у колхоза.

Для высокого урожая кукурузы (1500—2000 центнеров) на каждый гектар посева понадобится 50—60 тонн перепревшего навоза или торфо-навозного компоста, не меньше тонны минеральных удобрений, 8—10 тонн органо-минеральной смеси.

Печная древесная зо-

ла — хорошее удобрение. Она содержит от 6 до 35 процентов окиси кальция, до 30 процентов окиси калия, до 4 процентов фосфорной кислоты и даже немного бора. Нужно хранить золу обязательно в сухом помещении, иначе вода выщелочит калий.

Птичий помет смешайте с мелким торфом или заморозьте до самого посева.

Весной понадобится сразу много инвентаря: колья, шнуры, этикетки, маркеры, лопаты, грабли, лейки, ведра, цапки, воздушные и почвенные термометры, садовые ножницы, корзины, ящики для рассады, торфоперегнойные горшочки.

Непременно узнайте побольше о той культуре, которую вы собираетесь выращивать. Посоветуйтесь с передовиками колхоза. Подумайте, как передать в другие школы и отряды весь хороший опыт, как получить взамен полезные советы.

Все вопросы о подготовке к весеннему севу шлите в редакцию «Костерка». Мы обязательно вам ответим.



НАШ КОНКУРС

ВНИМАНИЕ! «КОСТЕРОК» ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС!

Конкурс — сезонный, предпосевной, с 20 января по 20 марта 1961 года.

Участники конкурса должны сконструировать:

1. РУЧНУЮ ПАРНИКОВУЮ СЕЯЛОЧКУ для посева в парниках и на грядах разных по величине и форме семян. Сеялочка должна высевать заданное количество семян на определенную глубину рядовым способом (строчкой). Она должна быть легкой и простой по конструкции, все

равно — деревянной или металлической.

2. СТАНОК ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТОРФО-ПЕРЕГНОЙНЫХ ГОРШОЧКОВ любого типа — одногнездный или многогнездный, ручной или электрический. Его производительность должна быть не ниже 3000 горшочков за семичасовой рабочий день на каждого человека, занятого у станка.

Конструкторам станка советуем одновременно подумать, как проще всего готовить массу, из которой делаются горшочки.

Иначе работа станка будет тормозиться задержкой с приготовлением массы.

Для участников конкурса — всех сельских пионеров и школьников — организована консультация. Приходите, пишите, звоните в редакцию «Костерка»: город Луга Ленинградской области, 11-летняя школа № 3, телефон Луга-3-37.

По этому же адресу шлите чертежи, рисунки, модели сеялочек и станка.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА БУДУТ ПРЕМИРОВАНЫ.

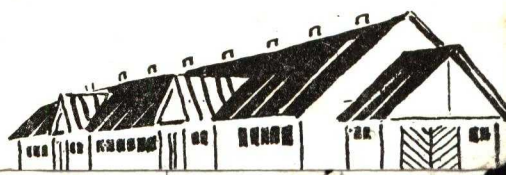
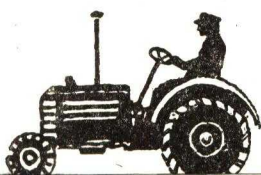
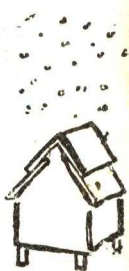




Фото Б. Уткина

Тут Москва Москва

Не принято поздравлять с прошлым годом. И все-таки именно с прошлым годом хочется поздравить трех людей, изображенных на нашем снимке.

Заслуженного тренера СССР Виктора Ильича Алексеева — с блестящими успехами его учеников-олимпийцев. Мировую рекордсменку Тамару Пресс — с олимпийским золотом. А ученицу 142-й ленинградской школы Галину Селезневу — с большой радостью. Она теперь тоже ученица Виктора Ильича. Как Тамара Пресс!

Пройдет четыре года, — теперь уже неполных четыре, — и олимпийский огонь загорится в Токио. А еще через четыре года — в Москве. И если в токийских играх Галя Селезнева участвовать не будет, — скорее себя не вырастешь, — то уж во время московских игр вполне может случиться, что мы увидим Галию в строю советских олимпийцев.

«Гале хорошо! — слышатся голоса наших читателей. — Она живет в одном городе с Виктором Ильичом. Тут только ста-

райся, а уж тебя научат. А как быть тем, у кого по соседству нет хорошего тренера? Ведь не все живут в Москве, Ленинграде, в больших городах. Бывает, что в школе и секций никаких нет. Значит, этим ребятам дорога в большой спорт закрыта?»

Эти ребята и правы, и неправы.

Они правы только в одном. Чтобы овладеть спортивными вершинами, нужно обязательно пройти школу у хорошего тренера, опытного мастера своего дела. Чемпионом мира самоучкой не станешь.

Но в главном они неправы. Дорога в большой спорт, — самый большой спорт, — перед ними не закрыта.

Кто не знает замечательного мастера барьерного бега Ардаляона Игнатьева? А ведь этот спортсмен с мировым именем — сельский учитель. И не из Подмоскovie, а из Чувашии.

Да, Игнатьев учился у хороших тренеров. Но они работали с ним сравнительно недолго. Они только шлифовали то, что он выработал сам.

Ведь в основе всякого спортивного мастера, как фундамент в основе здания, лежит общефизическая подготовка, — хорошо развитая выносливость, сила, быстрота, — качества, без которых нечего делать в спорте. Эти качества вырабатываются годами. Их можно отлично выработать самому. И для этого нужно только одно: настойчивость.

Если каждое утро, во что бы то ни стало, делать зарядку, — если три раза в неделю самому или с товарищем заниматься легкой атлетикой, бегать, прыгать, метать, — если не забывать о баскетболе, — если внимательно следить по газетам за



спортивными событиями и всегда помнить, какими настойчивыми были все знаменитые спортсмены, — то в семнадцать — восемнадцать лет ваша настойчивость сделает вас отлично подготовленными спортсменами.

Став самостоятельными людьми, вы всегда сможете найти дорогу к настоящему тренеру. Он только посмотрит на вас — и, увидев перед собой совсем молодого человека, который уже проделал все самое трудное, непременно скажет:

— Ну что ж, будем заниматься.

И с этими словами перед вами откроется заветная дверь в большой спорт. Она не может не открыться, потому что ключ от нее — в ваших руках.



СЛУЧАЙ С МЕШКОМ

Илл. Ивановский

Рисунки Н. Муратова

После уроков все потащили в школу макулатуру. Мы с Виталькой привезли на Гришке большой мешок. Гришка — это Виталькин пес, боксер. Здоровенный такой и очень послушный.

В очереди мы оказались последними. И видим, что наш класс проигрывает «б»-классу. А раньше мы всегда были первые.

Я оттащил Витальку в уголок и говорю:

— Слушай, ведь мало бумаги в мешке, а?

— Мало, — говорит Виталька.

— Хоть бы до завтра остаться на первом месте! Мы завтра хоть сколько притащим бумаги!

Виталька молчит. И я молчу. Посмотрели мы на мешок. Мало бумаги. Посмотрели на Гришку. Тяжеленный пес. Посмотрели друг на друга. Не для себя ведь стараемся, для класса...

— Давай? — говорю Витальке.

Он страшно покраснел и кивнул. Выбрались мы в коридор, позвали Гришку. Я забрался в мешок и стал бумагу уминать. Выбрался. Виталька скомандовал Гришке. Гришка понюхал мешок, залез в середину и там улегся.

Мы притащили мешок обратно в пионерскую. Тут как раз подошла наша очередь.

Комсомолец Володя говорит:

— Ставьте скорей на весы, я из-за вас на секцию опоздал.

Мы поставили. Чуть не лопнули, а поставили. Володя прибавлял, прибавлял гирек и рассердился:

— Что вы, камней туда наложили?

Еще добавил гирек. Покачал головой. Но в мешок не полез.

— Чудеса, — говорит.

У меня так от сердца и отлегло. Посмотрел на Витальку, а он стоит сам не свой и глядит куда-то в угол.

— Все! — шепчет. — Сейчас он ее почует!



Тут и я увидел. Расхаживает в углу наша школьная кошка Брыська. И когда она успела в пионерскую зайти?

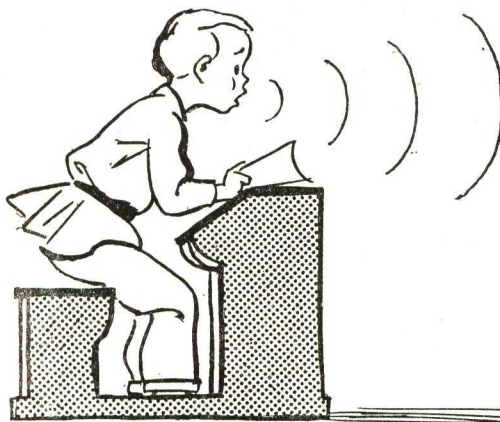
И тут мешок как рявкнет! Все так и подскочили. Брыська — хвост трубой и наутек. Мешок за ней. На полдороге Гришка выскочил из мешка, рявкнул еще разок и пулей вылетел из пионерской. Виталька за Гришкой. Я за Виталькой.

На следующий день было собрание. Так, ничего интересного.

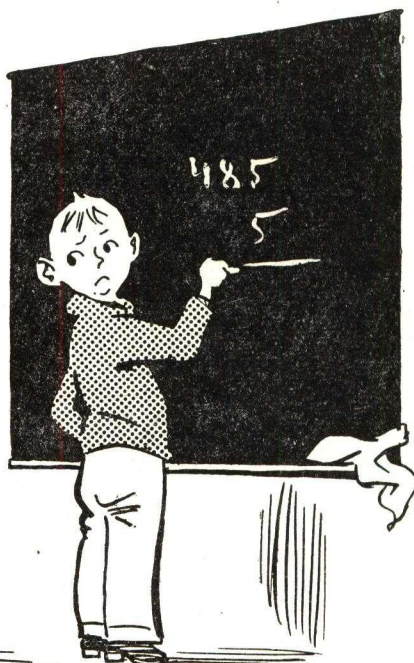


ВЫРУЧИЛ

Вызван я решать задачу.
Только я деленье начал,
Слышу, шепчет мне Федот:
«Ход решения не тот!
Умножай! Не знаешь правил!»
Я подумал... и исправил.



Умножаю. Вот так раз!
Как зашикает весь класс!
«Что ты делаешь, Синицын!



Надо было разделить!...
Получил я единицу.
А ведь мог не получить.

Саша Скоков, г. Тихорецк, Краснодарского края



— Апчхи! Ну и пылища! Вы, пожалуй, подумаете, что все это собрание старых бумаг никому не нужно, потому что давным-давно отслужило свою службу. Нет! Совсем нет! И еще раз нет!

Во-первых, я собираю только забавные истории. А они никогда не старятся.

Во-вторых, у меня больше всего историй про попов и монахов. А попов и монахов и сейчас немало. Когда на свете останется один-единственный поп, это все равно будет больше, чем надо.

Для начала вот вам две старинные истории. Одну из них рассказывают в Абхазии, другую — в Китае.



ЕПИСКОП И ПАСТУХ

Важный бородатый епископ говорил проповедь. Он пустил в ход все свое красноречие, но как он ни старался, народ в церкви оставался равнодушным.

Вдруг епископ заметил, что один старик, стоящий в толпе, горько плачет. Епископ так обрадовался, что прервал проповедь и обратился к старику.

— Скажи мне, почтенный старец, кто ты, и почему моя проповедь увлажнила твои глаза? Скажи, не бойся, пусть все услышат.

— Я пастух, — доверчиво глядя в глаза епископу, ответил старик, — в прошлом году волки задрали моего любимого козла, и борода у него была точь в точь, как у вашей милости. Вот я и заплакал.



НАХОДЧИВЫЙ МАЛЫШ

У одной женщины была целая дюжина фигурок богов, которым она усердно молилась.

— Мама! — сказал ей однажды маленький сын. — Дяденьки ведь глиняные, как же они тебе помогут?

— Молчи, негодный! — испуганно зашептала мать. — Если боги рассердятся, мы пропадем!

Мать ушла, а сын нечаянно задел столик с фигурками, и два бога разбились вдребезги.

— Что ты наделал! — схватилась за голову мать, вернувшись домой.

— Это не я, — невозмутимо ответил малыш. — Они сами. Как только ты ушла, они затеяли драку...

— Драку? Да ведь они глиняные, как же они могут драться?

— Ты же сама говорила, что они могут рассердиться. А рассердятся, значит, и дерутся!

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

В десятой школе, в пятом классе
Изобретают Коля с Васей
Секретный сложный аппарат:
«Метну-шпаргалку-куда-над».

На это времени не жалко,
Да вот беда — пуста шпаргалка.
Ведь, чтоб шпаргалку написать,
Все надо выучить на пять!

Юра Васильев, 7-й класс, Горловка.

На 3-ей странице обложки рисунок М. Беломлинского.

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. В. Чернякова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. Любцака

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-34216. Подписано к печати 13/ХІІ 1960 г.
Тираж 240 000 экз.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1897

Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 коп.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки опечатаны на фабрике офсетной печати.